

The background of the cover is a detailed illustration. It depicts a young man with dark hair, seen from behind, wearing a dark grey or black jacket and trousers. He stands on a grassy field, looking up at a massive, brown-scaled dragon. The dragon's head is in the upper left, with its red eye and sharp teeth visible. Its body, covered in large, overlapping scales, extends towards the right. The dragon's wings are partially visible on the right side. The sky is filled with soft, orange and yellow clouds, suggesting a sunset or sunrise. The overall style is that of a classic fantasy illustration.

Евгений Щепетнов

Игрушка для дракона

Мир драконов

Евгений Щепетнов

Игрушка для дракона

«Автор»

2023

Щепетнов Е. В.

Игрушка для дракона / Е. В. Щепетнов — «Автор»,
2023 — (Мир драконов)

Мир, в котором драконы существуют, но не желают показываться людям. Мир, в котором существует магия, и где люди мало чем отличаются от людей во всех мирах. Все они хотят денег и власти. Нежелательный наследник огромного клана, чудом выживший после переворота - сможет ли он занять приличествующее ему место на социальной лестнице? Тем более, если это не простой младенец, а... тсс! Все впереди! Вас ждут неожиданные повороты и нестандартные герои. Хотя... нет ничего нового под солнцем, как сказал один умный царь.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Евгений Щепетнов

Игрушка для дракона

* * *

Глава 1

- Видишь?
- Вижу
- Что видишь?
- Олени?
- Уверена?
- Нет.
- Посмотрим?
- Конечно!

Вираз, свист рассекаемого воздуха. Крылья сложить, оперение на конце хвоста раздвинуть – оно отвечает за направление движения. Ветер в морду – хорошо!

- Это не олени!
- Это люди, да?
- Люди. Папа сказал, никогда не показываться людям. Они злые. И опасные.
- Эти существа?! Да они меньше моей лапы!
- И тем не менее – папа запретил.
- Ты всегда слушаешься папы. Папенькин сыночек! А когда придет время выбрать невесту – тоже будешь папу слушать?
- Не буду. Я на тебе женюсь.
- Дурак! Я сестра!
- Ха ха ха... Глупая сестра. Кто же женится на сестрах? Я вообще-то имел в виду, что женюсь на такой как ты... глупенькой колючке.
- И не такая уж я и глупая! Сам ты глупый! А я красивая?
- Очень. У тебя самый красивый гребень, что я видел!
- Как будто ты видел сотни гребней... А в человеческом теле – я красивая?
- Я не разбираюсь в человеческой красоте. Вот если бы я был человеком, тогда...
- Ой! Что это они делают?! Зачем?!
- Похоже, гонятся за ней.
- А что у нее на руках? Ой! Это ведь ребенок! Маленький ребенок! Я такого только на картинке видала! Хочу посмотреть ближе!
- Не вздумай! Перестань! Сейчас же перестань! Нельзя, чтобы нас видели! Папа же предупреждал!
- А я приму человеческий облик. Просто постою рядом! Посмотрю!
- Айя! Нельзя! Айя!

Вираз, снижение... удар в лапы. Трансформация! Огладила бока, поправила волосы... порядок. Было бы странно появиться на обочине дороги обнаженной. Люди придают одежде очень много значения – так говорила мама. У них запрещено ходить по улицам голыми. Странно, конечно... ведь все прекрасно знают, что находится под одеждой. Но люди такие существа, понять которых невозможно.

- Дура! Ты – дура!

Поднятая крыльями пыль вместе с опавшими листьями бросается в лицо девушки – миленькой, большеглазой, пухлогубой.

Вместо драконьей туши, плюхнувшейся рядом с ней, в мерцании воздуха появляется молодой человек – парень, тоже лет шестнадцати на вид. Они с девушкой похожи, как две капли воды, только парень плечистее, массивнее.

– Ты это нарочно! – сердится девушка – Обязательно было так махать крыльями?! Посмотри, ты всю меня запорошил! Подальше не мог приземлиться?!

– Я все расскажу маме – мрачно сообщает юноша, прислушиваясь к топоту копыт, слышимому издали – Ты непослушная, шаловливая девчонка! И заслуживаешь наказания! Я же тебе сказал – нельзя! Почему ты не слушаешь своего старшего брата?!

– Ой, уж старший! – насмешливо фыркает девушка – Всего на пятнадцать минут старше! Как не стыдно так говорить?!

– Тихо! – обрывает ее юноша – Слышишь, скачут?

– Да! – радостно взвизгивает девушка – Настоящие люди! Посмотрю их вблизи! Ой, как интересно!

– Чуют мои сердца, добром это не закончится – вздыхает юноша – Я всегда знал, что ты вляпаешь нас в какие-нибудь неприятности. Второй самостоятельный вылет, и что? Ты уже лезешь к людям!

– Они то-то кричат – девушка хмурит брови, прислушиваясь.

– Нет. Визжат! – со знанием дела поясняет брат – Ну, как ты, когда повизгиваешь от полноты чувств. Вот как сейчас было.

– Не надо меня сравнивать с людьми! – фыркает девушка – Сам говорил, ни очень плохие!

– Вот они! – возбужденно выдыхает юноша – Смотри, смотри! О! Это девушка! Девушка скачет!

– А я что тебе говорила?! – хихикает сестра – Это девушка с младенцем!

– Тогда уж женщина – широко улыбается юноша, и получает тычок в бок:

– Глупый! А с чего ты взял, что это ее младенец? Может чужой!

Топот копыт, взмыленный конь делает поворот, огибая упавшую ель, и летит на парочку, с живым интересом наблюдающую за происходящим. А потом он падает бьется в судорогах, отбросив своего седока прямо под ноги брату сестре. Тогда те видят торчащие из крупа лошади деревянные палочки.

– Это что такое? Это... стрелы? – Айя показывает на лошадь – В нее стреляли? Я вдела такое в книге! Помнишь картинки из книги про Регала Великолепного? Там еще его утыкали стрелами, а он...

– Тихо! – прерывает ее брат – Стрелы не только в лошади. Смотри, у нее в спине две стрелы! У девушки!

Девушка лежала на боку, так и не выпустив из рук сверток с младенцем, вопившим со всей мощи своих младенческих легких. Из рта наездницы текла кровь, пузырясь, толчками, при каждом ее выдохе. Она посмотрела на брата и сестру туманным взглядом тускнеющих глаз, потом медленно, с огромным усилием, булькая и задыхаясь, сказала:

– Спасите моего сына! Унесите его, скорее! Его имя... имя... Робар! Помогите!

– Что она сказала? – Айя повернулась к брату – Ты понял? Я не очень хорошо знаю человеческий язык. Она что-то просила?

– Нужно было учить язык людей! – сердито буркнул брат – Сколько раз тебя ругал за то, что ты ленишься?!

– Ну зачем мне этот дурацкий язык, если я не собираюсь жить в мере людей?! – запальчиво возразила Айя – У меня есть гораздо более интересные дела, чем язык каких-то там людей!

– Делать фигурки из камней и заставлять их ходить? – хихикнул брат – Последняя твоя фигурка так напугала маму, что она пообещала надрать тебе гребень, если ты еще раз такое сделаешь! Это же надо додуматься – красный человек в натуральную величину! Мама так ревела, что наверное все плоскогорье это слышало!

– У вас нет чувства прекрасного! – тоже хихикнула девушка – А чего он так кричит? Какой громкий... пахнет от него плохо.

– Он обосрался! – широко улыбнулся брат – Вот и пахнет!

– Ффууу... как гадко! – сморщила носик Айя, но потом задумчиво сказала – А вообще он милый. На тебя похож. Такой же вонючий! Ха ха ха!

– Ах ты ж... – задохнулся от возмущения брат – Да я купаюсь в водопаде два раза в день, а тебя не заставишь крыло смочить! Бесстыдница!

– У тебя из пасти дурно пахнет, когда ты поешь – капризно надувает губки девушка – И вообще... вода холодная, и я не люблю купаться. На мне грязь не задерживается!

– Тихо! – снова остановил ее брат – Скачут! Сейчас они доскачут до нас, заберут девушку и ребенка, и мы улетим. Только надо будет отойти подальше, чтобы не увидели трансформации. Папа с мамой нас предупреждали.

Десяток всадников влетели на поляну, через которую проходила дорога, и кони заплясали, подымаясь на задние ноги, безжалостно сдерживаемые своими наездниками. Лоади тяжело дышали, раздувая ноздри и поводя мокрыми боками, а уголках губ животных белела пена, капая на зеленую траву лужайки.

– О! Есть! – довольно хохотнула высокий худой человек, затянутый ремнями и увешанный всевозможным оружием – Попал! Ерег, а ты говорил, я промазал! То-то же! Я не промашиваюсь! И девка тут! Готова.

– А младенец жив – заметил другой мужчина, кряжистый и мощный, бугристые, в мышцах руки которого распирали рукава короткой кольчуги – Куда его? Заберем?

– Зачем он нам нужен? Возиться с ним – равнодушно бросил третий, сутулый пожилой мужчина в куртке с капюшоном, несмотря на жару – Прирежьте, и всех дел. Только посмотрите, на нем должен быть медальон. Приказано его привезти, как доказательство его смерти.

– Золотой? – мечтательно причмокнул Один из всадников, молодой, губастый парень, лоб которого был усеян красными гнойниками – Можно продать, а потом как следует погулять! И девки, девок купить!

– Идиот – фыркнул сутулый – Потом тебе господин отрежет то, чем ты собрался прелстить девок. Сказано, медальон хозяину.

И после небольшой паузы, добавил:

– А насчет остального не сказано. Пошарьте по сумам, девку обыщите. Она знатного рода, у нее точно имеются какие-нибудь побрякушки. Да и деньги должны быть. Она же не с голым задом собралась в бега! Все честно поделим. Думаю, куш будет неплохой.

Всадники зашумели, заулыбались – куш, это хорошо!

– Как-то не по-людски... младенца-то? – мрачно осведомился всадник, чья лошадь стояла позади всех – Дитя невинное, чистое. Отдать его куда-нибудь в крестьянскую семью, и пусть живет. Нехорошо это!

– Вот ты его и убьешь, Мангус – ощерился сутулый – Раз пришел в нашу команду, значит пора замазаться кровью. Давай, прикончи его!

– Здраавстуте! – голос девушки, стоявшей в нескольких шагах от всадников, заставил их поднять взгляд – Ви есть помочь младенец?

– Это еще кто такие? – хмыкнул Сутулый – Их надо убирать. Не надо, чтобы они видели.

– Девка красивая! – облизнул губы прыщавый парень – Такую за серебряник не купишь!

– А что, братья... это ведь тоже куш! – ухмыльнулся другой парень, горбоносый, худощавый, с хищным лицом – Я уже давно с девкой не было. Давайте мы ее тоже поделим? Только я первый! Не люблю плюхать после других!

– Чего это ты первый?! – возмутился прыщавый – Как что, так ты первый! Я тоже хочу! Я может еще ни разу девственниц не имел!

Мужчины расхохотались – ржали все, кроме мрачного Мангуса, вероятно озабоченного выданным ему заданием. А та, про кого они говорили, хлопала длинными ресницами и продолжала глупо улыбаться, будто не понимая, о чем они говорят. А может и не понимала – она и говорить-то как следует не умеет, значит – совсем дура.

– Ладно – легко согласился горбоносый, легко соскочил с коня, и вдруг ухватил прыщавого за руку и стянул его с лошади. Потом сильно, без замаха ударил ему в поддых, затем в лицо, и заливаясь кровью, губастый повалился наземь.

– Ну что, будешь первым? Или уступишь брату? – насмешливо спросил горбоносый у размазывавшего кровь парня – Вот когда станешь взрослее, тогда и будешь первым.

– Хватит болтовни! – прикрикнул Сутулый – Чистите сумки, добивайте младенца! Хотите трахнуть эту девку – давайте, только быстрее! Герас, ты девку прирежешь, раз первым ее хочешь. Давайте, быстро! День клонится к закату!

– О чем они говорят? – беспомощно спросила Айя, как обычно используя мыслесвязь – Я вроде бы улавливаю слова, но смысл предложений не понимаю. Ты понял?

– Вот что значит, не учить язык людей! – сердито отвечает брат – Они хотя убить младенца, а потом совершить с тобой акт зачатия. И дерутся за то, кто будет первым, овладевшим тобой. Вон тот, с длинным носом, хочет быть первым. Как тебе это нравится?

– Мне это совсем не нравится! – фыркает девушка – Какие мерзкие существа! Я ведь не давала согласия на зачатие! Тем более со всеми сразу! Это что, у них так принято? У людей?

– Он сейчас его убьет – юноша смотрит на человека с ножом в руке, подходящего к младенцу.

Девушка широко раскрывает глаза от изумления, и мелодичным, звонким голосом говорит мужчине с ножом:

– Нельзя убить младенца! То нехорошо! Уходить!

– Что-о?! – горбоносый подходит к девушке, демонстративно осматривает ее с низу доверху. Затем протягивает руку и гладит ее по ощутимо выпирающей из-под кофточки груди.

– Твердая, как из дерева! – довольно комментирует он, оборачиваясь к соратникам – Я ее хочу еще больше!

– Прошу тебя, больше не касайся мой тело – девушка безмятежно смотрит в глаза мужчине – В противный случай мне придется оторвать твой рука.

– Ах-ха-ха! – заливается смехом горбоносый – Ох, и насмешила! Как я хочу услышать твой визг! Твои стоны! Больше всего я люблю, когда эти сучки просят: «Не надо! Пожалуйста! не надо!» Удовольствие гораздо больше, чем от молчаливой тупой суки!

И тут же, без перехода: Мангус, да заткни ты пасть этому комку говна! Орет так, что у меня в ушах звенит!

Мангус тянет руки к младенцу, а горбоносый снова берется за грудь девушки.

Никто ничего не успел понять Вот сейчас мужчина стоял и улыбался, а теперь... продолжает улыбаться, но правой руки у него нет. Она вырвана из плеча и валяется на траве, и пальцы ее еще судорожно сжимаются, видимо подчиняясь приказу хозяина поймать и сжать грудь девушки.

– АААА! – вопит горбоносый, из плеча которого фонтаном хлещет кровь.

Молчание. Вытаращенные глаза и отвисшие челюсти. И голос девушки, мелодичный и спокойный:

– Прошу простить, но я предупредить глупца. Кто-то еще хочет меня потрогать?

– ААА! – лошадь одного из мужчин прыгает вперед, посланная шпорами жестокого всадника, и вылетевший из ножен меч с размаху рубит девушку по голове – Бей колдунью!

Звон, меч отскакивает как от скалы. Мерцание, и вот уже на полянке стоит не девушка, а огромный, с дом величиной дракон. Он расправляет крылья, трепещет гребнем, а потом без затей просто откусывает голову тому, кто ударил мечом.

Снова мерцание, и второй дракон, точно такой же, только без красного гребня появляется на поляне. Крылья чудовище взмахивают, поднимая пыль, лошади хрипят, бросаются прочь, закусывая удила. Дракон с места, подпрыгнув, взлетает в воздух, и начинается охота. Лошади скачут изо всех сил – их не надо и подгонять, но куда там обычному конюге против дракона?

Он летит быстрее, чем охотничий сокол, и всадники один за другим теряют головы. Дракон их не ест – догоняя, сходу сносит всаднику голову и летит за следующим, пока все лошади не остаются без седоков. Затем он возвращается туда, где осталась его сестра.

Она уже в облике девушки, стоит рядом с младенцем и рассматривает его, время от времени тыча пальцем в сверток и брезгливо морща нос. Рядом лежит еще один мужчина – тот, кому поручили убить младенца. Он сломан пополам, и половинки сложены вместе, как переломленный стебель камыша. Глаза его широко раскрыты, в них удивление и ужас.

– Я их всех убил.

– Хорошо – безмятежно отвечает Айя, и выпрямляясь, смотрит на брата – Что будем делать с младенцем?

– Что?! Что делать?! С какой стати мы что-то должны с ним делать?! – вопит брат, таращась на Айю, как на что-то чудесное, непонятное – Из-за тебя мы и так вляпались! Убили десять человек! А ведь нам было сказано – ни во что не вмешиваться! Папа будет реветь так, что мы оглохнем! И мама от него не отстанет! И теперь самое меньше месяц не дадут летать самостоятельно! Ты дура!

– Сам дурак – парирует Айя, и совершенно безмятежно сообщает – Я хочу его воспитать.

– ЧТО-О?! – Кайль ахает, и недоверчиво смотрит на сестру – Что ты хочешь?!

– Воспитать его! Этого малютку! Он мне нравится – так же спокойно отвечает сестра – А чего ты так возбудился? Я знаю одно местечко... помнишь старый дом возле водопада Гром? Ну тот, что под скалой? Он целый, закрывается, в него не влезет никакой зверь. Я там поставлю светильник, чтобы ему не страшно было, и пусть живет в доме! Будем с ним играть, я научу его всякому!

– О Великий Дракон, создатель Сущего! Вложи в голову моей сестры хоть немного разума! – взмолился Кайль – Она совсем спятила! Ты чем кормить его будешь?! А кто его пеленать будет?! Где он будет гадить?! Да ты даже своих каменных големов не можешь на место положить, а собираешься ухаживать за детенышем человека?! Ты точно сумасшедшая.

– А что с ним делать?! – девушка наклонила голову, исподлобья сердито посмотрела на брата – Бросить здесь? На растерзание зверям? Или может воткнуть в него коготь, как эти люди? Мы же не люди какие-то, мы драконы! Благородные, честные, милосердные! Мы не можем так поступить!

– То-то ты была милосердной, когда отрывала тому мужчине руку. А потом голову.

– Он заслужил! – упрямо ответила Айя – Надо спрашивать, когда желаешь совершить акт зачатия! А то, что я оторвала ему голову, было актом милосердия! Он очень мучился и стонал. Да, да – и второй тоже заслужил! Разве можно убивать маленьких? Вот дождись, когда он сможет дать тебе сдачу, тогда и попробуй его убить!

– Улетаем домой. Пусть все остается так, как есть. Иначе будет беда!

– Нет! Ты улетай! А я понесу младенца в тот дом! И обсуждать это больше не хочу!

– Папа всегда говорил, что мама перед тем, как тебя зачать, смотрела на острый перец – вздохнул Кайль – Хорошо. Отнесем его в дом. Только чем будешь кормить?

– Придумаем что-нибудь! – бодро ответила очень довольная Айя – Что едят младенцы драконов?

– Мясо, что же еще. Кровь. Мама жевала нам, и кормила. И кровь сцеживали с оленей – папа рассказывал. Потому мы выросли такие сильные и красивые. Только вот один из нас умный, а другая...

– А другая еще умнее! – фыркнула Айя, и уже серьезно добавила – Я предлагаю взять с собой мертвую лошадь со всем содержимым. Ну... в смысле... с сумками. Возможно там есть еда для младенца. Она же собиралась чем-то его кормить?

– Вот чем она собиралась... – Кайль нагнулся к мертвой женщине, освободил из кофты правую грудь и слегка сжал. Из груди брызнуло молоко.

– Ой! Как забавно! – восхитилась Айя – Ты хочешь забрать ее с собой? Будем кормить младенца?

– О Великий Дракон! Айя, ты чего несешь? Через сутки ее труп будет вонять, еще через сутки станет разлагаться, привлекая мух со всей округи! Нам мухи ничего не сделают, а вот младенца точно сожрут. Помнишь, ты нашла труп оленя? Весь в червяках? Вот так же и будет.

– Фуу – Айя помотала головой – Зачем вспомнил? Гадость какая! Я потом сырую оленину есть не могла! Все время мерещились червяки, которые в ней ползают! Мама ругалась – без сырого мяса дракон не может жить.

Они помолчали, потом девушка предложила:

– А давай его покормим, пока она не протухла?

– Это как? Пожевать ее мясо и дать ему? – не понял Кайль.

– И кто тут глупый? – мстительно парировала Айя – Приложи его к матери, или кто она там ему... пусть поест, пока молоко не испортилось!

– Хмм... и правда – слегка смутился Кайль – Что-то я сглупил. А все – общение с тобой. Оступляет!

– Дурак! – прошипела Айя, приняв облик дракона – Коррмми...

– Опять я! Я, значит, дурак, и кормить мне! – горестно выдал Кайль – Так всегда! Она напакостит, а мне разгребать!

Драконница расхохоталась, а юноша подобрал младенца и осторожно приложил его к груди женщины. Младенец тут же ухватил губами сосок, и зачмокал, вбирая в себя сладкую белую субстанцию. Это длилось довольно долго, несколько минут, потом Кайль оторвал младенца от правой груди и приложил к левой:

– Жри давай! Побольше жри! А то заморит тебя глупая девчонка! (Айя фыркнула так, что поднялась пыль и запорошила брату глаза) Видишь, что это дурочка творит? Мешает тебе есть! А почему? Потому что мозгов у нее столько, сколько помешается на моем среднем когте правой лапы! Не больше!

– Сам дурак! – ответила Айя, не заморачиваясь с выбором цветистых фраз – Все, что ли? Тогда хватай лошадь и лети за мной!

– Пусть ест! – отрезал Кайль – А не терпится, хватай лошадь и лети! Ишь ты, как приспособилась, само тяжелое – мне.

– Ну ты же мужчина! Могучий! Защитник самок и спаситель младенцев! – весело ответила по мыслесвязи Айя – А теперь еще и кормящий отец!

Наконец, младенец отвалился от груди женщины и закрыв глаза, засопел.

– Уснул... – хмыкнул Кайль – На, твою игрушку, держи!

Он подал сверток Айе, она осторожно ухватила его пастью, сморщившись от вони, исходящей от младенца, и тут человеческий детеныш решил срыгнуть – видимо слишком много съел. А может от того, что Айя его прижала зубами. В любом случае на макушку несчастного Кайля вылилась порция содержимого желудка младенца – белая, липкая, неприятная.

– Ах ты ж дерьмо из-под жопы Черного! Вот оно, началось! Не обгадит, так наблюдает! И как всегда – вся эта дрянь достается мне! Ну почему, почему так?! Мне гребень треплют, а ты всегда выходишь сухой из воды! Это несправедливо, не находишь?!

– Ха ха ха... лети за мной, заблеванный! Все равно сейчас грязь с тебя слетит, когда трансформироваться будешь!

– Ага... мне теперь все время будет казаться, что на голове у меня блевотина, и что от меня воняет. Ну что у тебя за дурацкие идеи? В кого ты такая уродилась?!

– В мамочку. Такая же красивая и умная! И только скажи что-то против – сразу мамочке расскажу, что ты назвал ее дочь дурой! Хи хи хи...

Широкие крылья взмахнули, разбрасывая ветки и мусор, и драконница свечой ушла в небо. Кайль проводил ее тоскливым взглядом, мгновенно трансформировавшись, за несколько

секунд размял крылья, подгоняя застоявшуюся кровь, и его крылья начали махать все сильнее и сильнее, ускоряя движения, и заставляя массивное бронированное тело зависнуть в воздухе. Потому он немного изменил угол движения крыльев и завис над мертвой лошастью, будто огромная пчела над открытым цветком. Дракон протянул передние лапы, и аккуратно ухватив лошадь когтями, заработал крыльями еще интенсивнее, расправив их в стороны, и нагнетая воздух в огромную грудь. Три сердца мощно качали темную, густую кровь, а Центр Магии, который управлял всеми магическими процессами существа и находился где-то под тяжелыми костями черепа усилил уменьшение веса, после чего подниматься стало гораздо легче. Теперь дракон почти ничего не весил, не больше, чем орел или коршун, и лошадь, которую он сжимал когтями тоже почти ничего не весила, находясь в поле антигравитации. Только так драконы могли летать, потому что поднять в воздух огромную бронированную тушу можно только с помощью магии – это знали и драконы, и люди. Впрочем, люди об этом давно забыли, и не верили даже в само существование драконов, не то что в их драконью магию.

Глава 2

– Тут плохо пахнет!

– Зато крыша крепкая, и двери. Сходи к водопаду, обмой ребенка!

– Наглая. Бессовестная. Я сейчас улечу домой, и делай, что хочешь. Обмывай, в пропасть бросай, глотай его, или языком какашки вылизывай.

– Ладно, ладно! Чего завелся? Посмотри в сумах на лошади, есть что-то дельное?

Айя взяла в руки сверток, и держа перед собой на вытянутых руках, пошла туда, где грохотал водопад. Вообще-то грохот доносился снизу, оттуда, куда падала вода. Выше это была спокойная и гладкая речка под названием Мирка. Почему Мирка – никто не знал. Даже папа и мама. Айя как-то полюбопытствовала на этот счет, а потом еще и пошарила в старых книгах, но так до истины и не добралась. Ну вот называется так, да и все тут! Кому какое дело?

Ложе реки составляли прочные черные скалы, из которых и было сложено плато. Оно было странным – огромный каменный остров, который кто-то выдвинул из земли. Папа рассказывал, что это произошло в доисторические времена, когда земля была мягкой и горячей. Один из участков земли остыл, и его каким-то образом выдавило на поверхность, да так, что высота каждого из краев плато в десятки раз больше, чем высота самого из высоких деревьев. Более того, камень, из которого сделано это плато, на удивление твердый и устойчивый к разрушению, потому за миллионы лет края плато не только не осыпались, но сделались еще более прочными, да еще и отполированными временем и стихией. Именно поэтому их семья тут и поселилась – попасть на плато можно только с воздуха, на крыльях, а люди летать еще не умеют. И драконы очень надеялись, что и не научатся.

На плато было все, что нужно семье драконов для жизни. Вода – из облаков, и с гор, заснеженные верхушки которых торчали посреди плоской как стол поверхности. Изобилие трав, леса, полные оленями, косулями, всем, чем угодно. Живности в лесах – огромное количество. Папа говорил, что живность каким-то образом осталась на плато тогда, когда один край был более пологим, чем другие. Со временем он разрушился, оставив после себя черную блестящую скалу, как и с других сторон. Климат здесь – не холодно, и не жарко, круглый год приятная для драконов температура. Температура их тела.

Бывали годы, когда речки становились маловодными, но... все в этом мире поправимо – кроме смерти. Даже погоду можно исправить... хотя мама очень редко это делала, боясь нарушить природное равновесие. Мама очень сильный маг-стихийник, управляющий ветрами и дождями. Все драконы имеют способности к магии, и Айя имеет. Она умеет управлять неживой материей. Кайль, как и мама, стихийник. Папа – огневик. Он очень сильный огневик, и при желании может спалить до камня все вокруг себя до тех границ, куда достает взгляд с земли. Кайль а Айя пока что слабые маги, но им и лет-то всего ничего – по шестнадцать. Для драконов это детский возраст, они только-только начали входить в разум. Только вышли из младенцев. Папа уже перешагнул за тысячу лет, мама – за семь сотен. Кайль и Айя родились случайно, вопреки тому мнению, что у старых драконов уже не могут родиться дети. А вот поди ж ты! И сразу двое! Близнецы!

Айя слышала, как папа и мама ругал какую-то Энагду, которая сказала на слете драконов, что рождение близнецов предвещает неприятности. На что мама сказала, что сама Энагда, которая на лету теряет дерьмо от старости – вот это и есть неприятность. Папе сказала, наедине, потому что такое в обществе говорить нельзя, так как старая драконица что-то вроде старосты всех драконов, и хранительница мудрости. Ей уже пять тысяч лет, она один из самых старых драконов, оставшихся в этом мире.

После этого слета папа и мама объявили, что удаляются от общества, и будут жить отдельно, на Плато Оберран, и что никто не смеет прилетать к ним без его разрешения. В про-

тивном случае он будет считать этот прилет за нападение, и примет соответствующие меры. Папу хорошо знают, он слов на ветер не бросает. Сказал, что убьет любого – значит, убьет.

Айя, конечно же, этого не видела. Мама рассказала. Предупредила, что если дети случайно встретятся с чужими драконами – не смели с ними разговаривать. У драконов считается, что рождение близнецов – к беде. И на них могут напасть.

Айя положила сверток с младенцем на берег, осторожно развернула... и отвернулась. В носшибанул такой густой запах нечистот, что не выдержала бы и зеленая мясная муха, а не только молодая драконица. Но младенец даже не проснулся, он лежал, улыбаясь во сне, и губы его время от времени почмокивали, будто он искал материнский сосок.

Драконица взяла его в руки, и отведя свою голову в сторону пошла к воде. Медленно зашла в нее, холодную, чистую, ледниковую, и... погрузила младенца по шею, с облегчением отмечая, что жуткий запах почти исчез.

И тут раздался такой крик, такой плач, что Айя едва не выпустила ребенка из рук. Он проснулся и вопил так, что нежный слух драконицы с трудом переносил эти вопли.

– Ты чего делаешь? – в голове раздался голос брата – Вода-то холодная! Он же не дракон, а человек! Сама не любишь купать в холодной воде, а зачем его туда засунула?

– А чего раньше не сказал?! – огрызнулась драконица, собралась выдернуть младенца из воды, но передумала. Раз уж засунула, теперь все равно!

Быстро поводила руками по телу орущего ребенка, надеясь, что смыла с него всю грязь, поскорее пошла на берег, соображая – чем же укутать это нежное существо? Вопрос снялся сам собой, когда она увидела брата, держащего в руках кусок чистой ткани. Быстро закутала младенца, прижала к себе, пошла к дому, думая теперь над тем, как бы еще найти ему еду. Ведь скоро снова его кормить! А чем?

Младенца положила на лежанку, осмотрелась, решила – надо обмести комнату, убрать паутину, вымести пол (здесь он был деревянным).

– От тебя пахнет говном! – хихикнул брат.

– Тебя потрогала – парировала Айя, и подозрительно посмотрев на свои руки, перевела разговор – Что там, в сумках? Есть что-то дельное?

– Одежда... тряпки. Съестного ничего нет. Еще немного денег, и медальон.

– Денег? Покажи! Я никогда не видела настоящие деньги! Только на картинке!

– Да вот... это золото... три штуки. То, белое – серебро. Тоже три монеты. И медные – я не считал сколько их, горсть. Вот на них люди покупают еду.

– О! Еду можно купить! А что если...

– Нет! Никогда! Мы не умеем общаться с людьми! А ты вообще едва разговариваешь по-людски! Нас сразу заметят, и будут неприятности. Ты что, всем будешь руки отрывать?!

– А не надо было ему меня трогать! Я ведь предупредила!

– Да я не против... я о том, что если бы их перебьем – откроется тайна, люди о нас узнают. Папу и маму обвинят в том, что они нас плохо воспитали, и мы выдали тайну. Ты хочешь их подставить? Папе придется сражаться против всех. И маме. И нам. И мы погибнем, потому что четверо драконов не могут драться против сотни. И тогда погибнет и твой питомец. Как там его звать? Имя придумала?

– А зачем его придумывать? Мать сказала, что его имя Робург.

– Странное имя... давай его звать Роб? Коротко И ясно! Роб!

– Ну... давай. Кайль, знаешь... мне не дает покоя то, что его мать сейчас лежит мертвая там, внизу, и ее будут есть лесные звери. Мухи будут есть. Это неправильно. Нехорошо. Мы должны что-то сделать...

– Что именно?

– Ну... ты же знаешь заклинание огня?

– Ох ты ж... ты ее хочешь сжечь?

– Нет! Поджарить, чтобы подрумянилась, а потом ей пообедать! Кайль, кто у нас в паре глупый, я, или ты?

– Я. Потому что вечно тебе уступаю, и влипаю из-за тебя в неприятности. Ладно. Полетели. Только двери закрой, чтобы к нему никто не забрался. И знаешь, у меня есть идея, как его кормить. Только надо будет постараться...

* * *

Фххх!

Тело женщины вспыхнуло так, будто это был сухой хворост. Минута, и на месте тела остался лишь серый пепел, «нарисовавший» контур человека.

– Покойся с миром, неизвестная женщина! – грустно сказал Кайль.

– Покойся с миром! – повторила Айя, и добавила, глядя вверх, на вертикальную скалу – Мы позаботимся о твоём сыне, не беспокойся. Обещаю.

– Ты собрала трупы её убийц?

– Собрала! – буркнула Айя – Стыдно заставлять сестру таскать всякую гадость!

– А не надо было любопытничать! Я тебя предупреждал! Теперь на нас висит детеныш, плюс десять убитых людей! И нам нужно убрать следы нашего... хмм... любопытства. Твоего любопытства! А ещё – мир делится на тех, кто умеет колдовать заклинание огня, и тех, кто таскает трупы. Ты – таскаешь трупы.

– Фу! Дурак!

– Хи хи...

Сложенные в кучу тела убийц вспыхнули так же ярко, как и тело несчастной женщины. Их не стали закапывать, а вот для женщины Айя когтями сильных лап выкопала ямку под большим деревом, а потом стряхнула туда серый пепел, чихая от попавших в ноздри частиц. И закопала яму. Подумала, и на коре дерева когтем процарапала круг – она читала, что люди поклоняются Солнцу, и на могилах ставят такие круги. Пусть он будет и здесь. Если люди верят, что после смерти отправятся к солнцу – так почему бы не поспособствовать их полету? Кто знает, может оно так и все и есть, и Солнце впитывает людские души.

– Полетели!

Кайл взвился прямо с места, как всегда подняв ураган из мусора. Айя фыркнула, и последовала за ним.

– Куда летим?

– Лети за мной, я покажу.

– Нет, ты ответь! Ну что такое?! Ты постоянно от меня что-то скрываешь! Тебе что, так интереснее?

– Ладно. Слушай меня. Твой детеныш... твой питомец хочет молока. Пить кровь и есть сырое мясо он не может. Так?

– Ну... может и так – неохотно согласилась драконица – Мы не пробовали, может он и поел бы.

– Я подозреваю, что если ему дать сырого мяса – он долго не проживет. Ты читала, что люди сырое мясо не едят? Они его всегда готовят на огне. Почему? Да потому что у них желудок не приспособлен для переваривания такой пищи. Слабые они, не такие, как драконы.

– Допустим. И? Где ты собираешься найти молоко?

– У тех, кто его производит! – торжествующе закончил Кайль, и Айя ахнула:

– Ты хочешь украсть женщину?!

– Сестра, ты правда не в своем уме. Ну с какой стати я буду воровать женщину? Это же скандал! Она тогда расскажет о нас всем людям! Что, только женщины дают молоко?

– Ох! Правда. И где ты собираешься найти самку с молоком?

– Знаю одно место. Там деревня, и я видел пасущихся коз – точь-в-точь таких, как с картинки.

– Полетели!

* * *

Траму было скучно. Очень скучно! Что может быть скучнее, чем пасти стало коз? И ладно бы еще они паслись как положено, но ведь все время норовят забраться туда, где им не положено быть! В чужой огород, на чужое поле! В прошлый раз, когда он уснул, проклятые козы забрались в сад Хергеля, и Трама выпороли. Эти гады умеют очень ловко лазить, так что Хергеля чуть удар не хватил, когда он увидел стадо на его любимой желтой сливе. Твари ходили по веткам, как по земле, деловито объедая и листья, и кончики веток.

До сих пор задница болит. Отцу пришлось заплатить за траву, и Трам почувствовал на своей шкуре – что такое зарабатывать деньги. Папаша так и сказал: «Я сделаю так, что ты хорошо поймешь, что такое, когда теряешь заработанное с таким трудом». Да, спать нельзя. Но кто бы знал, как хочется подремать после того, как ты съел кусок лепешки с хорошим пластом копченой оленины! Мать положила в котомку, она добрая, всегда о нем заботится. Не то что отец, у которого кроме подзатыльника не добьешься никакой ласки. Если, конечно, подзатыльник можно назвать лаской. Трам давно ушел бы из дома в город, ему уже шестнадцать лет, но... как-то страшновато. Он до сих пор ни разу не был не только в столице, но даже и ближайших маленьких городках, потому совершенно не представляет, чем ему там заниматься и как жить. Нужна ведь крыша над головой, еда, питье, обуваться и одеваться – на что? Хоть отец и слишком строг, но здесь Трама всегда накормят и напоят, и лежанку его никто не займет. Нет уж... пока поживет здесь. Там видно будет.

Заблеяли козы, мальчик посмотрел, и... остолбенел, вытаращив глаза: парень и девушка примерно его возраста тащили двух молочных коз и козла-производителя в сторону леса! Вот наглые твари! Трам не знал этих ребят, нигде до сих пор не видел. Одеты как горожане – добротная, дорогая на вид одежда, сапоги, а сами чистенькие, прилизанные, как и положено горожанам. Трам никогда не видел горожан, но представлял, что они такие и есть. И вот сейчас эти проклятые горожане воруют его коз! Ах вы ж гады... Отец потом и не поверит, что коз утащили горожане. Скажет – потерял, в лес ушли, а там их задрали хищные звери. И снова выпорет, и снова будут болеть задница и спина!

– Стоять! Ну-ка, стой! – не помня себя, Трам схватил посох-дубинку, с которым управлялся довольно-таки ловко (старший брат научил), и помчался следом за похитителями. Догнать было несложно – козы упирались, не давали себя тащить, а эта странная парочка явно не хотела причинить им вред.

– Стой! – повторил Трам, перехватив дубинку поудобнее – Отпустите коз! Проклятые воры! Я сейчас мозги вам вышибу!

Парень и девушка переглянулись.

– Уважаемый юноша – начал парень приятным, мелодичным голосом – Нам очень нужны эти козы. Мы готовы заплатить за них хорошую цену.

– Цену? – ошеломленно переспросил Трам, и насторожился – Какую цену?

– Этого будет достаточно? – парень бросил Траму монету, которую тот ловко поймал в воздухе. Трам раскрыл ладонь, и с изумлением уставился на профиль императора, выбитый на монете. Старая, тяжелая монета – даже Трам знал, что она стоила гораздо дороже всего этого стада.

– Ну ладно... – растерянно согласился Трам – Забирайте.

Парень и девушка молча кивнули, снова переглянулись, будто разговаривали глазами, и продолжили тащить возмущавшихся и блеющих коз в лес, а Трам, проводив их взглядом, поду-

мал – куда же они их могли увести? Рядом не было ни повозок, ни лошадей, вообще ничего! Ну не по воздуху же они прилетели!

На закате он пригнал стадо домой, и сообщил отцу о случившемся. Отец отвесил мальчишке хорошую оплеуху, и заявил, что эта монета конечно же фальшивая, потому что только дурак заплатит золотом за дурацких три козы! И что сейчас он сходит к старосте, и когда вернется – выпорет придурка широким ремнем, да еще и пряжкой. Ибо только через задницу в его голову может войти частичка ума.

Трам очень сомневался в таком способе прозрения и поумнения, но говорить ничего не стал, так как знал – стоит возразить хоть в чем-нибудь, и тогда порка совершенно неминуема. Мать лишь вздыхала и смотрела на него усталыми глазами – папаша тот еще муж, ей тоже бывало доставалось. Просто так, ради порядку – как говорил папенька. Он считал, что жену время от времени надо поколачивать, тогда она будет знать свое место и не станет нудеть над ухом.

Папаша вернулся не скоро, и от него пахло самогоном. Шумно отдуваясь, он сел за стол, посидел с минуту, постукивая пальцами по столешнице, потом крикнул:

– Трам, сынок! Иди сюда.

Голос его был непривычно мягким, даже сладким. Когда Трам боязливо заглянул в дверь, отец поманил его, сказал:

– Не бойся, заходи. Не трону. И это... я ошибся. Монета настоящая. Хорошая сделка! Мы проверили монету, полновесный золотой, да еще и старый, самый дорогой. Ты это... расскажи, как там, и что... этих господ нельзя найти? Еще коз продать?

Трам вздохнул, и начал свой рассказ...

* * *

– Ты догадался взять деньги? – констатировала Айя, недовольная тем, что догадался Кайль, а не она. Ей все время хотелось сделать так, чтобы Кайль сел в лужу. Но не получалось.

– Только не говори, что кто-то должен был догадаться! Не оценю! – сварливо добавила она.

– Ну, кто-то же должен... – со смешком ответил брат, и сестра громко зафыркала, выражая полнейшее неудовольствие поведением Кайля.

– Ненавижу тебя! – успокоившись заявила она – Ты всегда такой самодовольный, такой знающий и воспитанный, что просто... блевать от тебя хочется!

– А мне – от тебя! – хохотнул брат – Потому что воняет от тебя человеческим говном! Тихо, тихо! Козла задавишь, или выронишь – как будем коз разводить? Спокойно лети!

Айя промолчала, хотя внутри ее так и кипело желание сказать что-то едкое, колючее. И при этом она понимала, что вообще-то Кайль ничего плохого не сделал, и что набросилась она на него несправедливо. Ну вот такой у нее дурной характер! Мама за это всегда ее ругает.

Коз выпустили на лужайку у дома, и они блеяньем понеслись в сторону леса, после чего пришлось их догонять, и возвращать назад.

– И что будем делать? Сбегут, и тогда чего? Каждый раз их ловить? – грустно спросила Айя, которая уже сильно сомневалась в своей затее, которая ранее казалась ей просто замечательной. Свой человеческий детеныш – что может быть лучше? Живая игрушка!

– Ты чего распереживалась? – Кайль внимательно посмотрел на сестру – Небось уже жалеешь, что подобрала детеныша? Говорил тебе... не сможешь ты его содержать! Скоро вечер, нам домой лететь. А если завтра мама и папа не разрешат нам полетать? Тогда как? А он будет лежать тут голодный, и орать на всю округу. А потом возьмет, да помрет!

– Умеешь ты приободрить – совсем расстроилась Айя, дух которой пал ниже муравейника – И что предлагаешь?

– Отнести его к людям, и там оставить. Где-нибудь возле домов. Найдут, воспитают.

– Нет! – резко ответила драконица – Они гнались за ним! Они его убьют! Давай запрем коз с ним в дом, может он как-то до них доберется, попьет молока!

– Младенец? Человеческий? Ха ха ха... Айя, иногда мне кажется, что тебе не шестнадцать, а только три года. Он и ходить-то не умеет, а ты предлагаешь...

– Ладно. Пойду посмотрю на него, потом решим – Айя зашагала к двери дома, открыла ее, вошла внутрь. Пахло плохо, нечистотами, и чем-то еще... Айя сама не могла понять – чем. Она раскрыла сверток, и... ахнула! Младенец был красным и горячим! Тяжело дышал, с хрипами, и в груди у него все хрипело и булькало.

– Кайль! Кайль, скорее сюда! Скорее!

Брат ворвался в дом так, что было ясно – он готовился к бою. Лицо напряженное, вокруг тела – мерцание, еще немного и начнется трансформация. Глупо, конечно – или дом разнесет, или его зажмет в этих стенах, что скорее всего.

– Что?! Что случилось?

– Вот! – Айя указала на младенца, и в глазах ее плескались боль и ужас – Что делать?

– Ух ты... – мерцание вокруг брата пропало.

Он посмотрел, наклонившись над младенцем, потрогал его, помотал головой. Прислушался, постоял.

– Этого и следовало ожидать. Это первое, о чем я подумал, когда увидел тебя в воде. Ты зачем его сунула в реку? Ты разве не знаешь, что эта река берет начало из ледника?

– Да я откуда знала?! – Айя едва не плакала – А может он раньше был болен!

– Может, и раньше – покладисто согласился Кайль – Разницы вообще-то нет никакой. Или ты его погубила, и мать застудила, когда скакала, результат один. Он умрет. Я не умею лечить. Ты тоже не умеешь. Мама не умеет. Папа не умеет. Человеческие детеныши такие нежные, хрупкие...они часто умирают. То же не драконы, которые не знают болезней. Зато – люди плодятся очень, очень быстро, и много. Вот смотри – мы у мамы с папой первые дети за много сотен лет. Родители никак не могли зачать. Говорят, что драконы так плохо размножаются потому, что если бы мы плодились как люди – в мире не осталось бы для нас места. Ведь мы не боеем и умираем только от старости. И до самой смерти сильны и ясны умом. Потому...

– Заткнись! – с яростью бросила Айя – Мне нужно вылечить моего детеныша!

– Не твоего... это же игрушка! Твоя игрушка! – сказал Кайль, и осекся, такая ярость полыхала в глазах девушки – Ладно, ладно... я читал... хмм... но только это скорее всего его убьет... хотя шанс и есть. В общем, люди убивали нас не только ради непробиваемых чешуек. Еще – они использовали нашу кровь для магии, и в основном для лечения. Если напоить его нашей кровью, то... есть шанс, что он выживет. Вот только надо использовать какую-то магию. Не лечебную, а... ну вроде той, с помощью которой ты оживляешь своих каменных монстров. Как ты так делаешь, что они ходят и подчиняются твоих приказам?

– Не знаю – пожал плечами драконица – Я вначале представляю, что камень принимает форму – какую я захочу. Он разогревается, становится мягким, и... вот. А потом зову... что-то. Не знаю – что. Только это что-то входит в камень, и тот ненадолго оживает. Совсем ненадолго. Мама говорит, что у меня пока что мало магии, вот мои чудовища и живут недолго. А еще – что у меня магия земли, и я умею работать с неживыми предметами, как и моя бабушка, мамина мама.

– Тогда ничего не остается, как только представить, будто это каменный человек, а ты вселяешь в него жизнь. А чтобы она удержалась в нем – нужна наша кровь.

– Резать надо, да? – жалобно спросила Айя.

– Не надо! Пусть умирает! – рявкнул Кайль, и Айя вздрогнула, столько в его голосе было холодной ярости.

– Прости. Помоги мне, пожалуйста – драконица судорожно вздохнула – Давай вместе?

– Что вместе?! – не понял брат.

– Кровь. Я не знаю, чья кровь сильнее, мужская или женская. Помоги!

Кайль посмотрел на сестру, глубоко вздохнул...кивнул. Потом над его правой рукой замерцал воздух, из руки высунулся коготь – огромный, острый, как нож. Айя с завистью посмотрела на коготь, вздохнула:

– Я так и не научилась вот так, частично трансформироваться. У меня или полная трансформация, или никакая.

– У тебя умирает приемыш! Хватит болтать! Открывай ему рот и подставляй руку!

Коготь чиркнул по руке Айи, она вскрикнула, закапала кровь. Кайль тут же вспорол себе левую руку, прикрикнул:

– Вместе, давай!

И в рот младенца потекла густая, темно-красная, почти черная жидкость. Он закашлялся, брызги попали на лицо Айи, но она не убрала руку. Младенец стал глотать, потом задержался, захрипел еще больше, забился...

– Магию! Скорее!

Айя замерла, сосредоточившись на колдовстве. Секунда, две, три...пять...младенец продолжал хрипеть и булькать, снова задержался, по маленькому тельцу прошли судороги, и Айя схватилась руками за голову, не обращая внимания на то, что они были испачканы кровью, и она продолжала капать с запястья:

– Погубила! Я его погубила! Вот дура! Дура, дура, дура! Аааа!

– Тихо! – прикрикнул Кайль – По-моему, сработало. Посмотри на него.

Айя открыла глаза, уставилась на младенца. Он уже не был багрово красным, хрипоты в дыхании не слышалось, грудь поднималась легко и свободно. Получилось! Точно, получилось!

– Молодец – улыбнулся Кайль – Молодец, сестренка! Ты его вытащила!

А тем временем младенец открыл глаза, посмотрел на стоящих рядом брата и сестру, открыл беззубый ротик, и...из его рта послышалась членораздельная, хотя и абсолютно непонятная речь:

– Кто ффы...таффыэ?! Фффэээ а?!

– О! Он разговаривает! – радостно вскрикнула Айя – Ты посмотри, Кайль! Он говорит!

– Нет – пренебрежительно отмахнулся брат, уже успевший убрать когтистую лапу в пространство – это называется «гулит». Людские младенцы пытаются изобразить речь, и что-то бормочут. Это мы рождается сразу с мыслеречью, и говорим с первого дня жизни. Они этого не могут.

– Ффау...фаф! – сказал младенец, обшаривая взглядом парочку, и Айя радостно засмеялась:

– Нет! У нас особенный младенец! Гениальный! Он будет говорить сразу!

– Ладно – согласился Кайль – Пусть говорит. А у меня есть предложение. Там в вещах была кружка. Давай поймем козу, я ее подержу, а ты сцедишь у нее молоко. А потом напоим молоком ребенка.

– Почему я буду сцеживать?! – по привычке возмутилась Айя, но Кайль прикрикнул:

– Потому что я так сказал! Твой детеныш, тебе и за сиськи козу дергать! И прекрати говорить против по каждому поводу! А то я точно унесу его и отдам людям! Пойдем! Быстро! Надо найти этих вонючих тварей, да еще и поймать. А время к вечеру! Не вернемся к закату – папа полетит на поиски, и тогда нам не поздоровится. Вперед!

Глава 3

Я закончил петь, и ушел назад, вглубь сцены. В горле уже першило, надо его слегка смочить. Пивка жахнуть, холодненького. Там у меня сумка-холодильник с пивом, чтобы далеко не ходить. Да и покупать здесь, в ресторане, очень даже накладно, с их-то ценами.

Нет, пиво не настоящее, «нолевка». Ребята всегда смеются, мол – «нолевка», это первый шаг к резиновой женщине. Но я не обижаюсь – не со зла подкалывают, все свои. Я с ними уже давно работаю, еще с девяностых, когда нищим инженером решил подработать в ресторане. Я так-то с детства играю на гитаре, неплохо пою – и в музыкальной школе учился. Но ушел работать на завод. С детства любил не только брэнчать на гитаре и драть глотку, подражая кумирам рока, но еще и что-нибудь пилить, резать, собирать. Спокойно могу разобрать и собрать двигатель автомобиля, и он даже потом будет работать.

Но заводы в девяностые зачали, и куда податься тридцатилетнему мужику, у которого нашее двое детей и замученная безденежьем жена? В таксисты? Пробовал. Поработал несколько месяцев, нахлебался говна половником. Каждая сука, зажавшая в руке потный столыжник, считает, что тебя купил. Или купила. «Ты обслуга! Вези меня, тварь!». Одного такого на ходу выбил из машины ногой. Вот так открыл его дверцу (он выходить не желал) и выбил. Хорошо, что ехал медленно, гнида не разбилась. Нет, после этого я не уволился. Проработал еще месяца два, и только когда мне едва не набросили на шею удавку, решил: баста, карапузики! Без меня! Мне семью кормить, а не раков! Ушел из такси. Потом узнал, что одного нашего сразу после моего ухода задушили, а машину угнали. Благо, что не додушили, только шею порезали. Машина была кредитная, он за нее еще несколько лет выплачивал. Кстати, помню еще, что машину нашли – в Новосибирске, туда угнали, через всю Россию. Номера перебиты, так что этот таксист еще проблему заимел – с перебитыми номерами нельзя на учет ставить, и с учета снимать. И вообще с ней ничего нельзя без решения суда.

Вот таким образом я оказался в ресторане. Взял свою гитару, подошел к руководителю группы, Витьке Муранскому, и попросил меня взять в коллектив. Без затей, без предисловий.

Надо отдать ему должное, он не послал меня сходу, а выслушал, пожал плечами, и предложил что-нибудь сыграть. Когда я слабал ему «Генералов песчаных карьеров», а потом перешел на «Лебединое озеро», Витька спросил, могу ли я на электрогитаре. Я и тут не подкачал – играл, и неплохо. Конечно, не высший уровень – для этого нужно годами совершенствоваться, но сыграл, и спел. Когда выдал ему «Богемную рапсодию» на аглицком, а потом «Чемпион» – Витька принял решение и взял меня в группу.

Уже потом я узнал, что мне просто повезло. Группы обычно спаянные, все друг друга знают чуть не с детства, но тут... гитарист вульгарно забухал, уже в очередной раз, а поверх синьки добавил кокса. И теперь лежал в реанимации под капельницей. Без малейшей надежды на воскресение.

За эти годы много чего повидал – и бандитские разборки, и массовые драки, и любовь – пьяную и слюнявую. В ресторане у музыкантов с этим проблем никогда не было. Впрочем... вру. Как раз это и есть одна из проблем. Ладно там дамочка, которая пришла с подружками, чтобы снять мужика (желательно вот этого, певуна с гитарой – трахнет, и еще споет!), но были и такие, которые пришли уж с мужиком, но строят мне глазки, провоцируя спутника на беспредел.

Да, бывало и так, что отмахивался от пьяного кавалера. Благо, что силой не обижен, и ботаником меня назвать ни у кого язык не повернется. Раз даже гитару разбил о башку озабоченного козла, желавшего добраться до моего пряного тела с помощью ножа-бабочки. Гитару было жалко – ужасно. Я ее еще в юности купил, на деньги, заработанные грузчиком на продуктовой базе – когда учился в институте.

Но в общем-то все было хорошо. Я пользовался популярностью у клиентов ресторана, на меня даже приходили специально, послушать – я ведь и свои песни исполнял, баловался бардовской деятельностью. Андрей Костин, он же «Кость», популярен у завсегдатаев. Хотя в основном приходилось петь чужие песни. Я ведь не Высоцкий, чтобы мне платили большие деньги за мои песенки. Просто ресторанный музыкант и певец, исполняющий то, что мне закажут спеть. Хорошо, если закажут ту же самую «Богемную рапсодию», или «Естедей», но это не так уж и часто. В основном – какого-нибудь Шуфутинского, от которого у меня скоро начнется аллергия. Вот как сейчас – пришлось петь его «Маму». Хорошо хоть не «Вязаный жакет», который обстебали в комедии «День радио». Но как ни смешно – и его заказывали. Что поделаешь, если народ хочет ту, или иную песню? Я деньги зарабатываю, работаю для людей, так почему бы и нет?

Мне уже за шестьдесят. Ничего нового в моей жизни не будет. Так что особо и не дергаюсь. Хорошо хоть, что дают выступать, деньги зарабатывать. В группе состав почти полностью сменился – из «старичков» осталось двое – наш командир Витька Муранский, да ударник Петька Храмцов. Остальные – кто совсем ушел, в мир иной, кто забухал, и на все забил, кто живет на пенсию, рыбу ловит.

Дочка мне давно толкует: *«Папа, хватит перед пьяным быдлом клоунствовать! У нас хороший дом, места на всех хватает! Речка рядом, лес! Денег мы зарабатываем нормально – на всех хватит! Колька тебя любит, ребята обожают – ты бы их играть на гитаре поучил, в жизни пригодится! Какого черта ты в этом пьяном чаду сидишь?!»*

Ну, я для вида обиделся на «клоунствовать», а внутри, честно сказать, похолодело. Что еще сказать? Тридцать лет «клоунствовал», без этого уже и не могу. Зритель нужен! Звон струн! Рев динамиков! Крики: «браво!» Это как наркотик. Кто раз попробовал – без этого не может. Вот и держусь до последнего. Наверное, со сцены вынесут вперед ногами. Не могу я на шее у дочки с зятем Колькой сидеть, пусть Настюха не обижается. И сын давно звал к нему – он в Питере живет, и у него тоже дом – фирма своя, строительная. Молодцы у меня ребята. Не зря я их учил, бабок кучу угрохал на обучение. И в жизни устроились, и люди хорошие, правильные.

Жена, Ольга, сейчас у Настьки отдыхает. Лето! Жара! А я тут, «в чаду». Чертова Шуфутинского лабаю. Иэхх!

– Гля! – из-за плеча бормочет Мишаня, наш второй солист – По-ходу, что-то зреет, какой-то гнойник. Я давно смотрю за ними, щас что-то будет. Ребята непростые, все на понтах.

– Точно – Костян, клавишник, покосился на упомянутый столик – И по-моему ребята заряженные. Чуть что – за карман хватаются.

– Давно такого не видал, с девяностых – вздыхаю я – Вот не хватало еще по кумполу огрести! Схожу-ка я в сортир от греха...лучшее место для укрытия – сортир. Туда пули не долетают!

Парни хохотнули, я встал со скамейки, и только шагнул в сторону, огибая синтезатор, как вдруг клавиши аппарата разлетелись вдребезги, осыпав меня пластиковыми брызгами. Последней моей мыслью было: «Сука! Накаркал!». И...темнота. Никаких тоннелей, никаких голосов богов, просто тишина и темнота.

* * *

Свет. Нет, не в конце тоннеля. Ну не верю я ни в какие тоннели, если это только не тоннели метро! И в богов не верю. И вообще ни во что не верю, кроме как в себя самого, и в свою жену Ольку, которая любила меня даже когда я был нищим и убогим заводским инженером. И потом любила, когда я вошел в роль ресторанный лабуха, и на мне регулярно висели пьяные телки. Да...грешен я, и не гожусь на роль не то что святого – но даже праведника. Увы. Увы?

Глаза проморгались, и первое, что я увидел – две головы, наклоненные надо мной. Это был парнишка лет шестнадцати, и девчонка – такого же возраста. Похожие друг на друга – как две свечи. Только у девчонки имелаась длинная коса, которую та перекинула через плечо, а у мальчишки – волосы до плеч, эдакая прическа средневекового пажа. Оба смотрели на меня молча, не говоря ни слова, и только иногда переглядывались, будто этими взглядами что-то друг другу говорили.

– Кто вы такие?! – попытался сказать я, но изо рта вылетело что-то вроде «Фффо ффы фаффы!»

– Да что за нах?! – ошеломленно сказал я, и снова какое-то шипение и фыркание. Похоже, что пуля вышибла из меня способность говорить. Я слышал, что такое бывает при травмах головы.

А эти двое постояли, попереглядывались, повернулись, да и вышли. Куда вышли? Откуда? Да кто знает! Лежу, смотрю в потолок и просто охреневаю – он из темных бревен, практически черных. Весь в паутине, во мху, и это явно не реанимация в больничке. И даже не подсобка ресторана, куда меня могли оттащить.

И вот лезут в голову такие мысли, не позволяя *правильным* мыслям прорваться к моему сознанию. Например, такой мысли: «С какого хрена у меня рука младенца?! А не моя здоровенная, мосластая клешня?!»

А еще воняло. Так воняло, что аж с души воротило. И похоже, что вонял это я сам. Сунул под себя руку...вытаскиваю...опа! Твою ж мать! Обделался! Я – обделался! АААА!

Меня затошнило, и ко всему прочему я еще и выблевал содержимое желудка. Прямо себе на грудь. Что-то белое, липкое... Молоко? Да я молоко терпеть не могу! Я его пил в последний раз тогда, когда отравился каким-то суррогатом под видом лимонной водки! Нужно было пить молоко, чтобы связать яд в желудке. Так Витька сказал, ну я и пил. Хорошего из этого ничего не вышло, блевал я знатно. Три дня пластом лежал, потом ничего, отошел. Не в мир иной, само собой – отлежался.

Ладно. Нужно как-то бы отдаться Гигиене, матери порядка. То есть смыть с себя дерьмо. Или стереть. Пытаюсь подняться, опираюсь на локти, потом на правую руку...голова кружится...бах! И я свалился назад. И снова – только сейчас осознал, что лежу совсем голый! Откидываю кусок тряпки, которой меня накрыли...о господи...эти ноги в перевязочках, эти розовые ногти на ногах...эти пятки без следов мозолей... ЧТО СО МНОЙ?!

Напрягаясь, переворачиваюсь на живот, и медленно, очень медленно, поджимая под себя ноги, поднимаюсь на четвереньки. Сердце колотится, в глазах темнеет...но все-таки встаю на четыре мосла. Голову трудно держать, очень трудно. Шея дрожит, голова трясется, а во рту вкус блевотины и чего-то молочного. Мерзость! Ну какая мерзость!

Постоял минуты три, по привычке. Ага, тряска прошла, может попробовать сесть? Пробую. Переношу вес на правую руку, усаживаюсь за задницу, пытаюсь выпрямиться...шлеп! И на место. Туда, откуда вылез – прямо в дерьмо. Господи, ну как же воняет! Я покрылся этой субстанцией по самую шею! Даже ноги, и те в дерьме!

И тут распахивается дверь, и в комнату входит та самая миленькая девица, держа в руке здоровенную кружку. Она видит меня, издает какой-то звук, похожий на «Фффххх!», и отворачивается с гримасой страдания. За ее спиной нарисовалась копия в мужском варианте, эта копия довольно улыбается и смотрит на девушку. Они с минуту глядя друг другу в глаза, потом парень фыркает, и указывает на меня рукой. Мол, получите, и распишитесь. А мне вдруг так захотелось есть, что я невольно застонал, и это у меня получилось так: «Ииии...ииии...» Эдакий щенячий визг, недостойный старого лабуха.

Девушка подошла, одну руку запустила мне под голову, умудрившись подставить ладонь и под затылок, и под спину – рука оказалась очень большой, как и вся девушка, и поднесла к моему рту кружку, из которой одуряющее пахло молоком. Одурающе не потому, что мне

было противно, нет! Я так хотел есть, что выпил бы и сожрал что угодно, как в девяностые, когда однажды у нас дома не осталось ничего, кроме пшена и старого сала. И черствого хлеба – полбуханки. Будь они прокляты, эти «лихие» девяностые...

Автоматически уцепился руками за кружку – не с первого раза, но смог, и припал губами к краю кружки. Теплая, почему-то пахнущая псиной густая жидкость потекла в мой желудок, и это была самая вкусная еда, какую я ел за последние...не знаю, сколько лет. Много лет!

Пил, пил, пил...чувствуя, как надувается желудок. А потом почувствовал, что глаза мои медленно и бесповоротно закрываются, и с этим я ничего, совсем ничего не могу поделать. Сквозь сон я чувствовал, как меня ворочают, как тела касается что-то мокрое, но мозг отказывался просыпаться, убаюкивая тихими мыслями: «Свои...хорошо...спать...спать...хорошо...».

* * *

– Ты видел?! Видел?! Он сам держал кружку! Это гениальный ребенок! А ты говорил!

– А что я говорил? – Кайль сопел, прислонившись к дверному косяку, и развлекался тем, что выпускал и убирал коготь, будто примериваясь что-то резать или рвать – Я говорил, что он обделался. Вот! Теперь убирай за ним.

– И уберу! – сердито фыркнула Айя – Ну-ка, подогрей полотенце! Оно холодное! Вода-то ледяная!

– Только сейчас поняла – вздохнул Кайль, и тут же от тряпки пошел пар.

– Ай! Горячо! – замахала полотенцем Айя – Потихе надо было!

– Обтирай, да полетели домой – так же лениво-спокойно ответил брат – Я сейчас коз сюда загоню. Скоро закат, нам нужно успеть до того, как сядет солнце. И еще – придумай, что мы скажем дома. Где летали, что видели. Родители точно спросят, так что...выкручиваться тебе.

– Почему мне? – насторожилась Айя.

– Потому что ты известная врушка, и тебе будет легче придумать историю. А я уже подхвачу.

Айя обтерла мальчика полотенцем – тот довольно улыбался во сне, и его беззубая рожица была настолько забавна, что драконица невольно улыбнулась, а в ее душе вдруг потеплело. Все-таки не зря она забрала его себе. Что бы с ним сделали люди? Наверняка бы убили. Видела она, что творят эти чудовища! Похоже, что ребенок не такой, как все, потому они его и возненавидели. Чудовища! Только чудовища убивают детей разумных существ! Вон какой славный...розовый такой, пухлячок!

Айя пощекотала мальчику животик, он улыбнулся и тихо сказал:

– Ойя...

Айя ахнула – неужели он знает ее имя?! Как догадался?! Но потом поняла – нет, скорее всего, это просто... «гулит», как то называет Кайль. Она накрыла мальчика чистой тряпкой, взяв ее из сумы, и вздохнув, уцепилась за обгаженную. Надо идти полоскать, иначе потом нечем будет накрыть мальчишку.

Они оставили его одного. Кайль так и не поймал коз, эти твари где-то ловко спрятались, не помог ни нюх брата, ни его магические способности. Негодяи просто-таки растворились в пространстве. А может брат не захотел их найти – и это тоже вариант. У него бывают такие причуды – хитрый, как сто драконов! Решил, что нечего делать козе вместе с мальчишкой, да и наврал сестре, без малейших угрызений совести. А ей искать коз некогда – солнце уже коснулось горизонта, осталось времени только-только долететь. Младенец крепкий, толстенький, до завтра продержится. А они на рассвете к нему слетают, и все-таки накомят.

Лошадь, которую притащил Кайль решили сбросить в пропасть – нечего ей тут валяться. И домой ее тоже нести не надо. Так-то можно было бы пустить ее на ужин, конина неплоха

на вкус, но родители сразу догадываются, что с этим делом что-то нечисто – в лошади торчат стрелы, да и видно, что она домашняя, не из стада диких лошадей. Не дичь, это точно. Драконам запрещено брать что-то у людей.

* * *

Ужин прошел спокойно – мама нарубила свежей оленины, приправила ее острой травой с названием «еранга». Айя не любила эту траву, но протестовать, как она это делала обычно, не стала. За что удостоилась внимательного маминого взгляда – мол, чего это с ней? Почему не кричит: «Я эту вонючую траву есть не буду!»? Нет, правда – зачем портить вкус оленины какой-то дрянью? Даже если она вроде как способствует улучшению пищеварения и благотворно влияет на крепость чешуек. И мало ли чего там говорят, мол – она придает мясу изысканный вкус! Идиоты! Эти старые драконы совсем спятили со своими вкусами! Молодежь может не хочет есть эту дрянь!

Папы сидел у себя в кабинете, и вышел только когда они уже закончили ужин и трансформировались в людей. Он был явно чем-то озабочен, и сходу огорошил детей неприятным известием:

– Неделю никаких полетов!

– Почему?! – ахнула Айя – Пап, я завтра хотела потренироваться в виражах! Пап, так нельзя!

– Я сказал – неделю! – отрезал папа, и глаза его полыхнули огнем – Дети должны слушаться! Вы еще не умеете отводить глаза, делаться невидимыми. У людей происходят какие-то события, возможно – война между кланами. Может – между государствами. Зная вас, а особенно тебя, Айя, сразу скажу: вы обязательно сунете нос туда, куда не нужно, так как любопытные, как лесные мыши. Вас заметят, будет скандал. Меня предупредили, чтобы я вас не отпускал. Там, где у людей что-то происходит, всегда есть рядом Непримиримые. Они мутят людей. Так что – никаких вариантов! Сидеть дома, и не выходить! Учитесь, читайте книги. Я расписал вам план занятий, выставил задания. Через неделю спрошу. Если хорошо ответите – отпущу полетать. И за неделю я кое-что выясню о происходящем внизу. И не надо делать такие физиономии! Будете возмущаться – я вас так заколдую, что полгода не сможете подняться в воздух! Будете только бегать и крыльями махать, как крестьянские куры!

Сказать, что Айя расстроилась – ничего не сказать! Ее ребенок лежит там один, голодный, хочет пить, есть, обкакался – и никто ему не может помочь! Ей просто хотелось зарыдать. Да, в человеческом обличье она испытывала те же эмоции, что и люди. В драконьем обличье все было как-то...проще. Не так переживательно, не так остро. Мама объясняла это тем, что принимая облик человека, дракон и становится человеком. Не совсем, конечно, но человеком. Это его защитная маска, которая включает в себя и человеческие эмоции. Сложно, запутанно, и неинтересно. Потому Айя выбросила ее слова из головы. На время. А вот теперь вспомнилось.

Айя дождалась, когда родители заснут, и как следует закрыв границы мыслесвязи, на совсем малой громкости спросила Кайля:

– Что делать будем?

– А что ты сделаешь? – так же тихо спросил он – Хочешь больших проблем? Тут или сдаваться родителям, или...

– Я так не могу! Мы же не люди какие-то, мы драконы! Мы не можем облечь ребенка на верную смерть от голода и жажды! Мы можем пообещать, что под страхом лишения полетов на год, не вылетим за пределы плато! Будем летать только над ним, и то низко!

– Айя...сестра...ты уже столько напакостила, столько наврала, что родители тебе точно не поверят. Помнишь, ты обещала им, что не будешь трогать папины снадобья? И что ты сделала?

– Это была ошибка! Сколько уже можно меня ей попрекать?!

– А тот артефакт, который берегла мама... ты пообещала маме, что не тронешь его. И что ты сделала? Попробовала разогнать облака, да? Что получилось?

– Я откуда знала, что так получится! Это дурацкий артефакт! Маме надо было сказать, что они испорченный, и действует ровно наоборот! И не было никакого потопа! Так... полило немножко, и все!

– А насчет твоих монстров... ты обещала маме, что...

– Заткнись! Хватит меня пинать! Как не стыдно обижать сестру! Мне и так плохо! Я плакать хочу!

– Не плачь. Мне и правда жаль. Я тоже привязался к маленькому засранцу, и мне хочется его спасти. Завтра я пообещаю, что прослежу за тобой, что ты не сделаешь ничего дурацкого, и что бы не улетим с плато под страхом наказания. Возьму на себя. Только если ты меня подставишь, сестренка... больше никогда, совсем никогда ко мне не обратишься! Я никогда тебе не поверю! Поняла?

– Поняла! Ты самый лучший брат в мире! Я тебя обожаю!

– Спи, мамаша...хе хе...утром, за завтраком я с папой поговорю.

Но поговорить он не сумел. Мама сказала, что папа еще на рассвете улетел по делам, и обещал вернуться к вечеру. А без него – никаких решений она принимать не будет. То его запрет, так что разговаривать надо с ним. Он лучше знает – кому и куда летать. Она сама никуда не собирается, хотя и хотела слетать в одно местечко, и кое-что там поискать для своих снадобий. И травку для мяса надо заготовить – она скоро кончится. Да и за ними, шалунами, надо приглядеть. Папа приказал не оставлять их без присмотра, и как оказалось – не зря. Стоит им сделать шаг за порог без папиного ведома, и мама сама им крылья пообрывает. В общем – осталось только валяться на лежанках, или сидеть в классной комнате, где для них приготовлено задание по математике, травоведению, артефакторике и теории полетов. Кроме теории полетов – полная нудистика и скука. Ну, зачем Айе травоведение?! Она не лекарь, и не собирается делать снадобья для лечения! Мама умеет лечить – пусть она эти травы и запоминает! А к чему это Айе?! А математика ей зачем?! Пусть этим старые драконы занимаются, им делать нечего, надо время заполнять – летать им лень, мир узнавать скучно, вот пусть и составляют уравнения! Развлекаются!

Побурчав, драконица все-таки уселась за стол, и стала читать учебник по травоведению. Но из головы все не шел младенец, перед глазами висела картинка: беззубое, улыбающееся личико, и звучали слова, которые он произнес: «Ойя! Ойя!». Нет, может он все-таки узнал имя своей спасительницы, и звал именно ее? Вот было бы здорово!

Глава 4

Олька гладит меня по животу. Ладонь жены такая прохладная, гладкая... любимая! И мне так хорошо! Я не выдержал, вздохнул от удовольствия:

– Оля! Оля!

Она промолчала, и я снова забылся сном... Снился странный сон – будто я снова маленький. Да такой маленький, что даже ходить сам не могу! Ползаю, гажу под себя, голову держать не могу! И пью молоко. Странное молоко – из огромной кружки, пахнущее псиной, или козлятиной.

Никогда не любил козье молоко – жирное, вонючее. Пробовал один раз, и больше ни-ни. Может потому, что привык к магазинной водичке, подкрашенной чем-то белым? С громким названием «Молоко». Помню, в юности продавали эдакие конусы с молоком, не помню, как они назывались. Вроде как тетрапаки, но не уверен. Отрезаешь кончик пирамидки, и присасываешься, запивая батон с изюмом. Я когда детям и внукам рассказывал о таких батонах, они недоверчиво улыбались – вот мол, папка-дед заливает! Батоны с изюмом! Да всем известно, что в Союзе люди голодали! Только сейчас и начали жить!

Эх, дурачки...сейчас и не докажешь, что жили-то мы дай бог каждому. Одной только морской рыбой все магазины были забиты, и стоила она сущие копейки. А в селе свиней хлебом кормили. Да, да – помню, даже статья была в газете – ругали селян, что они такое кошунство творят. Селяне скупали в магазине черствый хлеб, вроде как по уценке, и откармливали скот. Вот тебе и голод!

Чего это я про голод? А вот чего – проснулся от того, что невероятно хотелось жрать. А еще – ровно противоположное слову «жрать».

Пачкать пеленки я не собирался, потому активировал скилл выживаемости (знаю слово, да, одно время активно увлекался онлайн-играми – Ультима, Силкроад, Айон, Линейка и все такое), и пополз к краю лежанки. Ползти было трудно, но не так тяжело, как в первый раз. Видимо стал адаптироваться к новому телу.

О господи...так это не сон?! И чего это я так спокойно воспринимаю мысль о новом теле?! Почему не воплю, как лягушка-бык на болоте?! Или как выпь! Я же должен стенать, орать, визжать – «Я в другом теле! В другом мире!»

Хмм...а с чего я взял, что нахожусь в другом мире? Вот есть у меня такое ощущение, и все тут. Одежда! Да, да – одежда парня и девушки! Она совсем не земная! Больше похожа на средневековые наряды. А что еще? Что же еще? Лицо ребят точно такие же, как у земных – напоминают лица испанцев, или итальянцев. Интеллигентные лица, надо сказать. Приятные. Глаза...зеленые? Или карие...так и не понял. Обувь! Да, обувь – кто в наше время будет ходить в сапогах? У девушки сапоги расшитые, девчачьи, а парня пострже, без выкрутасов.

И когда я все успел заметить...попробовал представить эту парочку, так сразу картинка перед глазами встала – будто фотография. Так-то у меня всегда была хорошая память – тексты песен я запоминаю со второго прочтения, но чтобы фотографическая... Ну что же, если так – хорошо. Почему бы и нет?

Хорошо, что лежанка низкая, почти у самого пола, иначе синяк у меня был бы во всю спину. Грохнулся я знатно! Так навернулся, что только гром пошел! Преувеличиваю, да – просто шлепнулся, как кусок говядины, и всех делов. Потом минут пять отходил, повизгивая и попискивая. Проклятое тело чуть что, включает режим «уа-уа», то бишь младенческий плач. И что характерно – ни хрена ничего не могу с этим поделать! Ну вот только брякнулся, и сразу: «ЫЫЫЫ!». Клянусь – само по себе происходит! И кто там говорит, что человек может управлять телом, наплевав на его трудности? Трудности моего тела заставляют меня завывать, как сирена.

Ладно. Полежал, и хватит. Вперед, на завоевание мира! Какого мира? Да какая разница – какого. Какого-нибудь. Лежит такой спелый, зрелый мир, и мечтает, чтобы я его завоевал. Ну а как же еще? По-другому и быть не может. Вот только преодолеть бы несокрушимую преграду в виде старой дощатой двери...какая сволочь ее так плотно прикрыла?! Хотя...хорошо, что прикрыли. Все время забываю, что я теперь не стокилограммовый мужик под сто девяносто ростом, а всего лишь мелкая пищащая «ящерка», с розовыми ножками и ручками. У меня даже зубов нет, чтобы покусать врага. Если только засосать до смерти – но и на это сил не хватит.

Может и правда – мне не надо наружу? Появятся мои...не знаю кто они, и покормят? Погадить я могу и здесь. Неприятно, конечно, откладывать какашку рядом с лежанкой, но что поделаешь? Буду как ребенок Мадагаскара – где шел, там и присел. Зато от души! Ближе к природе!

Да, все-таки не стоит открывать дверь – вдруг там плотоядные чудовища, которые только и мечтают о пряной плоти старого лабуха?

И тут мне в голову ка-ак...жахнет! Черт подери, а кто сказал, что эта парочка хорошие люди?! Может они людоеды! Может откармливают меня для того, чтобы сожрать! И так мне от этой мысли стало хреново-тоскливо, что чуть не завыл в голос. Там Олька плачет над моим трупом, дети переживают, внуки из телефонов вылезли ради того, чтобы утешить родителей, а я тут! Кучки откладываю в углу старой хижины! Ой-вэй... Так мне стало херово...слезы полились по лицу, а беззубый рот сложился в страдальческую гримасу.

Плакал я минут пять – безутешно, в голос, глотая слезы, а потом как-то сразу успокоился и пополз в угол, выбирая место для сортира. А по дороге думал другую думу: мне за шестьдесят. Жизнь фактически прожита. Осталось хорошо если лет двадцать, а может и того меньше, все-таки мне тяжело пришлось – нервы, травмы, болезни. Пятнадцать лет накидываю. Последние годы работать уже не смогу, будут валяться тюленем, рыбу ловить, которую я ни хрена не ем. Терпеть не могу речную рыбу! Кроме осетрины, разумеется. В общем, чего я так переживаю? Да, расставание с близкими – это горько, это печально. Но...впереди у меня целая жизнь! Начать все с ноля, да еще и с грузом знаний взрослого мужчины! Разве это не классно?! Только бы еще с голоду не сдохнуть, да в пеленки не надристать...

Мда...никогда не думал, что так сложно делать ЭТО, если ты не можешь стоять на ногах. Кое-как, улегшись на бок, в антисанитарных условиях...кошмар! И никакого тебе пипифакса. Мда. Нашел какую-то деревяшку, и...даже вспоминать об этом противно. И пополз назад.

Восхождение на лежанку...читал я про Эверест, как трудно туда забирались люди. Не скажу, что мое восхождение на лежанку было равно их подвигу, но что-то героическое все-таки в том было. И заняло восхождение не менее получаса – со слезами, всхлипами, стонами и матом, который я исторгал из своего беззубого ротика буквально фонтаном. «Фоф фофу фаф! Фафа фафы! Фа фаф!» Нет, все-таки отвратительно, когда вместо полноценных ругательств вылетают только эти «фафы». Зубы! Хочу зубы! АААА! Дайте мне зубы! Стоматологи херовы...

Только накрылся пеленкой (если можно так назвать эту тряпочку), так сразу и уснул, хотя ужасно хотел есть. Еды-то взять негде, так чего дергаться? А пока совершал свой анабасис в сортир – так вымотался, что на поиск еды сил уже не хватило.

Проснулся от того, что в глаз воткнулся яркий солнечный луч, проникший через дверную щель, и тут же напомнивший о тех двух делах, которые являются смыслом жизни любого младенца: жрать и срать. Решив начать с последнего, резво пополз до края лежанки, довольно ловко с нее сполз за грязный пол, покрытый какой-то мерзкой дрянью, о происхождении которой я и думать не желаю, и за какие-то пару минут добрался до места, выбранного мной под сортир. Я гений! Я чемпион! Шоу маст гоу он!

«Загоуонил», отполз от загаженного угла, и стал соображать – что делать дальше. Благодетелей не наблюдается, еды тоже, а на улице солнечный день. Есть хочется – до поросычьего

визга. Или младенческого. Да...наслушался я в свое время этих визгов и плачей. И пеленки стирал, Олька уставала, просто падала с ног. Близнецы, сразу обоих не потаскаешь, особенно когда зубы стали резаться. Вот тогда они дали нам жару! Аж вспомнить жутко... Кстати, никаких памперсов ведь не было. Потому, когда сейчас мамашки плачут о своей трудной жизни, о том, как они страдают, ухаживая за своими спиногрызами, меня только смех разбирает, и хочется спросить: «А вы стирали сраные пеленки хозяйственным мылом? Кучу, груду пеленок! Отстирывали эти желтенькие пятна? Вывешивали пеленки их на веревках? То-то же!» Да, памперсы можно сказать сделали революцию...

Но мне сейчас не до этого. Надо вырваться на волю! Уж не знаю, что меня там ждет, но всяко лучше, чем погибаться от голода здесь, в этом вонючем склепе!

Кстати – мухи налетели, мрази проклятые. Ууу...ненавижу тварей. Говорят, что и они нужны природе, но как по мне – я бы их всех под корень извел. Ну до чего мерзкая тварь! И кусачая! Ай! погоди, тварь, научусь руками работать, я тебя поймаю, крылья оторву и бегать заставлю!

Ползу к двери, царапая коленки – да, я уже на карачках ползаю, и шустренько так. Олимпийский чемпион, а не мелкий засранец. Кстати, после вчерашнего, и после ночной вылазки – большой прогресс. Может то моя душа начинает приживаться в теле? Не сразу она в него вживается?

Смотрю в дырку от выпавшего сучка, рассматриваю окрестности. Ну что сказать...лужок. И...каовки, каовки...вру. Никаких каовок. Но и тираннозавров не наблюдается. А вон там чего? О! Коза! И такая...славная коза, с толстым выменем до земли! Только вот как к ней подобраться? Вот нафига ей мелкое розовое чудовище, которое норовит вцепиться в сисыку?

Но прежде чем понять, зачем ей это чудовище – надо выбраться из узилища. И как это сделать? Смотрю вверх. Замка не наблюдается. Дверь или подперта снаружи каким-нибудь колом, или...вообще не запирается. Ничем. А значит шанс открыть есть.

Пижаю дверь рукой...и падаю, больно ударяясь физиономией о пол. Опорная рука подломила. Не вставая, перекатываюсь на спину, и упираюсь ногами в дверную доску. Толкаю...и проезжаю на спину несколько сантиметров. Вес-то у меня, как у кота! Подтягиваюсь ближе, поднимаю ноги и с силой бью в дверь! Мне кажется, от такого удара она должна вылететь, как пробка! Ага...щас прям. Может, и правда подперли колом? В отчаянии бью еще раз, еще, еще...ступни уже болят, отбитые ударами о твердое дерево, я начинаю всхлипывать (черт меня подери!), уже ни на что не надеюсь...и...бах! Дверь со скрипом отворяется, впустив в хижину свежий, напоенный запахом трав и цветов воздух. Ура! Я победил! О Суворов! Нет для меня крепостей, которые я не могу взять!

Ползти по траве не так приятно, как я думал. Все-таки по полу, пусть даже он грязный, ползать гораздо безопаснее. Коленки колет (наверное, до крови расцарапал!), в живот, когда споткнулся и упал, что-то колючее впилось – жуть и мраки, как говорил один мой знакомый. А в голове бьется мысль: «Сейчас эта тварь меня заметит и убежит!»

Тварь – это коза, которая зырит на меня глазом с прямоугольным зрачком, и продолжает усиленно щипать траву. Вообще-то вредное животное. Читал, что на Кипре некогда были кедровые леса. Так вот люди их спилили, а остатки растительности добились козы, которых тут развели видимо-невидимо. Козы настолько настырные твари, что могут даже забираться на крышу дома. Ходят, как по земле. Да что на крышу – они на деревья забираются и объедают их сверху донизу! Какая тут к черту флора сохранится? А с ней и фауна, ибо этой фауне негде прятаться – леса-то нет. Теперь Кипр – выжженная солнцем скала, на которой ничего не растет. Голубое теплое море, и посреди него черная скала по имени «Кипр». Был я там, видел. Ничего хорошего не увидел. То ли дело Керкира, она же Корфу. Вот там всегда и все цветет и пахнет. К черту этот поганый Кипр.

Вот демоница, косится на меня, но не убегает. А вымя какое! Черт подери, оно ведь ей ходить мешает! Я не колхозник, ни черта про сельское хозяйство не знаю, но где-то слышал, что если долго не доить коров, коз, у них молоко перегорает, пропадает. Могут и заболеть. Не знаю – правда, или нет, но... вот откуда-то в памяти у меня это задержалось.

Ползу. Как Маресьев, мать-перемать. Опера «Маресьев», герой ползет, поет страдальческим голосом: «Гангрена, гангрена, мне отрежут ноги!» И за кадром хор, высокими голосами: «Гангрена, гангрена, ему отрежут ноги!». Раньше думал – брехня. Щас прям! Есть такая опера, и вот так в ней исполняли.

Нет, петь я не буду, чтобы не спугнуть это чудовище, больше похожее на какое-то мифическое существо, на дракона. Читал, что молоко у нее настолько жирное, сытное, что может сравниться только с человеческим молоком. Охотно верю. Ибо только недавно его похоже что и пил. Теперь понимаю, откуда псино-козлячий дух от молока.

Стой! Не убегай! Пожалуйста! Ну что тебе стоит?! Я маленький, убогонький, зла тебе не сделаю... ну?!

Стоит, ест. Подползаю, и осторожно, медленно, как червяк втягиваюсь под брюхо козы. Снова косится, стоит. Осторожно протягиваю руку, беру сосок вымени, и... направляю его себе в рот. Охх... горячее молоко потекло в меня, как бензин в канистру. Глотаю, глотаю... господи, я такого чистого, искреннего наслаждения едой не испытывал уже... не знаю, сколько лет! Самые изысканные блюда мира меркнут перед этой струйкой горячего, жирного молока!

Когда оторвался от вымени козы, оно заметно похудело – и я набрался наглости, и активировал вторую «колонку». И куда только в меня столько влезло?! В принципе, что там у коз за объем вымени? Сколько там молока? Литр? Может чуть больше?

Переел лишнего, похоже. Жадность, мать его... но очень уж кушать хотел.

Кстати, люблю слово «кушать», Оно такое русское, такое теплое и домашнее... Эх, дом, милый дом... за все надо платить. За новую жизнь – тоже. Интересно, решил бы я, если бы мне предложили вот так, переместиться в тело младенца? Чтобы без родни, без друзей, чтобы один? Наверное, нет. Пусть осталось мне немного, но это моя жизнь, я к ней привык. И родных расстраивать не хочется. Как представляю, что Олька там плачет над моим трупом – так все в душе переворачивается. Жжет, как огнем!

Ползу под куст. Даже на четвереньки вставать лень, и сил нет. Как червяк – раз, раз... так на животе лежа и замер в тени развесистых ветвей. Хорошо хоть хватило воли в тень улечься – солнце печет, как на Кипре, или в Крыму, того и гляди облезешь. Мухи, суки, достали... смыть бы с себя говнецо... воняю, как сортир на трассе! Но сил нет. Спать... спать...

Сколько проспал – не знаю. Отполз чуть в сторонку, справил нужду, и... снова пополз к козе. Кстати, их тут оказалось уже две – под присмотром здоровенного сердитого козла. Вот сейчас нападёт мне рогами, и полечу я, солнцем палимый, как обосранный голубь.

Нет, не поддал. Посмотрел на меня, и давай жрать. Похоже, что животные верно оценивают мой социальный статус и не собираются меня поднимать на рога. Младенец, зачем меня обижать? Травоядные... не драконы какие-то.

Подполз ко второй козе, и реакция та же – подпустила, дала уцепиться за сосок. Понимает! Наверное, воспринимает как козленка – воняю, ползаю, молоко сосу, ну чем не козленок?

«Иванушка, не пей из козьего копытца, адвокатом станешь!» Ладно, это я так... шутка у нас такая была. Друг детства, Мишка, адвокат. Вечно мы с ним стебались над его профессией. Эх, Мишка, Мишка... ковид проклятый. Не вытащили. Не сумели. Одним из первых заболел, а тогда еще никаких вакцин не было. За две недели сгорел. Жена его, Зинка, убивалась... они ведь как мы с Олькой, через такое в 90-х прошли... не приведи господь. И выжили. Эх, ну что все такое упадническое в голову лезет?

Напился молока, и снова под куст. А чего мне? Я как кот теперь – пожрал, и на бок, спать. Верный способ быть гладким и довольным жизнью.

С погодой мне повезло. Тепло – никакой одежды не надо. Только вот эти мухи...гады чертовы! Как бы помыться? Там что-то такое шумит, грохочет...

Ползу, ползу...«гангрена, гангрена»...тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! Ну, лезет в голову всякая чушь!

Ага...речка. Есть! Пологий спуск, осторожно, осторожно...унесет еще, я ведь не... Додумать не успел. Плюхнулся в воду, и она оказалась такой холодной, что я завизжал, как поросенок! Или как младенец, которого засунули в корыто с холодной водой.

А потом меня понесло. Да так понесло, что я и сообразить ничего не успел, а уже был метрах в пяти от того места, в котором спустился в реку. И вот какие жуткие подозрения закрались мне в голову...а не водопад ли шумит? Не отправлюсь ли я в полет, не имея ни парашюта, ни крыльев?

И я забил ногами и руками, пытаюсь подплыть к берегу. Кстати, видел ролики, где младенцев бросали в воду (придурки чертовы!). Так вот младенцы не захлебывались, не тонули – переворачивались и плыли, как настоящие пловцы. Инстинктивное умение плавать у нас в крови, мы же вышли из моря. Более того, в животе у матери младенец плавает в околоплодных водах, так что о плавании знает не понаслышке.

Как ни странно, у меня получилось. Жить наверное хотел. Особо не присматривался, но краем глаза заметил, что вся эта масса воды срывается, и летит...куда-то. Не знаю куда, и знать не хочу. Главное – чтобы меня в ней не было! Я бил ногами, махал руками (ручками, черт их подери!) – и плыл. А потом уцепился за корни куста, растущего на берегу, подтянулся (на удивление ловко, как обезьянка!), и выдернул себя на берег. Отполз на травку, там и замер в позе морской звезды.

Дурацкое приключение. Вот так башку и теряют. Лезут в воду, не зная броду, и...в данном случае – в буквальном смысле слова. Оказалось, что возле берега на каменном дне имеется скользкая, как мыло травка, а само дно – что-то вроде отполированного водой желоба. Отходил от приключения с полчаса, или час...задремал – солнышко пригрело, хорошо! Даже мухи не беспокоили.

Когда очнулся, первым делом обеспокоился – а что там у меня с кожей? Сгорю ведь нараз! Не хватало еще облезть... Посмотрел...нет, все в порядке. Даже немного загорел. И...это удивляет. Как это так быстро загорел? Покраснеть – это понятно, но чтобы вот так, сразу же перешло в загар?! О таком никогда не слышал.

Ну что же, пора отправляться поближе к источникам пищи. Надеюсь, не сбежали? Интересно, насколько их хватит, меня терпеть.

И вот еще что...как бы это узнать – как я здесь оказался, и...куда подевалась та парочка? Похоже, что именно они каким-то образом связаны с моим появлением в этом мире, в этом теле.

Да и вообще – что дальше? Сколько может продлиться эта идиллия? Козы, молоко, лужайка...старая хижина. Люди – где? И что будет, когда я окажусь у людей? Если это на самом деле средневековье, где гарантия, что меня не убьют, когда узнают, что я – это...хмм...демон. Да, я для них демон, занявший чужое место! Спалить демона! А перед этим хорошенько допросить. Ну...на предмет, где он спрятал сокровища убиенной им тещи. Или вообще сокровища – какие-нибудь. Любому дураку известно, что с демона можно что-то стрясти. С черта, если проще.

Ох, как-то тяжело мне на душе становится, как только представляю, что меня допрашивают в святой инквизиции. Всякие забавные пыточные штучки вспоминаются, от которых не только дух перехватывает, а еще и задница сжимается в испуге. Умела инквизиция допрашивать – все расскажешь, даже чего не было. Целый роман сочинишь о сношениях с Дьяволом и его приспешниками. В эротических подробностях.

Собрался ползти к козам, потом решил попробовать встать. После моего заплыва почувствовал, что координация движений стала гораздо лучше. То ли стресс помог, от страха и не такое бывает. То ли я стал лучше вживаться в новое тело, наконец-то мозг и плоть начали прорастать друг в друга. Но скорее всего и то, и другое.

Берусь за тонкий ствол куста, который мне помог вылезти из воды, аккуратно подтягиваюсь, подтягиваюсь...

Опа! Стою! Я гений! Я чемпион! Уи ар чемпионс, май френд!

Вот если бы еще научиться ходить... а потом вставать без помощи куста... Ладно. Дорогу осилит идущий. Чтобы ходить – надо сделать первый шаг. Дождался, когда голова перестанет кружиться, отпустил куст, и... раз... два... три... пошел! Пошел! Ноги подгибаются, меня трясет, шатает из стороны в сторону, но я иду! Иду!

Мда. Интересно было бы посмотреть со стороны – пупсик, эдакий амурчик, переваливаясь, шагает по лужайке! Кстати, колетса, гадина. Тут только с виду тут все шелково и гладко.

Иду к козам, и вижу... о черт! Эти твари начинают тихо-тихо от меня валить! Косятся, и двигаются, двигаются...

Стоп! В чем дело?! Раньше не боялись, а теперь напугались?! Думай, Андрюха, думай... ты инженер, ты умный, ты даже синтезатор освоил как нечего делать...

Опа! Есть! Раньше я не ходил, а теперь – иду! Они воспринимали меня как козленка, а сейчас я стал человеком, хоть и маленьким! И значит, что? Альтернативы нет. Ползти на брюхе. Иэхх... оно в жизни так и бывает – идешь, идешь... а потом – бах! И ты должен ползти на брюхе, чтобы хоть как-то добыть пропитание. Что-то меня на философию потянуло, а тем временем... жрать хочется, как из ружья. Так что... давай, пластун, ползи, снимай часового! Твоя жизнь в твоих руках!

Без проблем. Как только опустил на четыре мосла, козы успокоились и нормально приняли «козленка» в свои ряды. Не хочу себя принижать, но похоже что-то козлиное во мне есть – вон как меня стадо коз восприняло, свой я им! Олька мне так в молодости и говорила, когда я заглядывался на жопастую телку: «Ну ты и козел безрогий!». Знала, точно. Или предвидела.

Насосавшись молока, снова заснул. Это для меня уже рефлекс – поел – тут же в сон, поспал... и так далее. Младенец я еще, хотя и развиваюсь просто-таки фантастически быстро.

Интересно, какой у меня возраст? Судя по первично-вторичным признакам... до года. Точно! Зубов-то нет! А зубы когда прорезаются? В полгода, если не ошибаюсь. Никаких следов прорезания нет. Значит... а это значит, что я тут один ни черта не выживу. Ни одежды нет, ни нормального одеяла, ни обуви. И похоже что мне в конце концов придется искать людей.

Только представить – козы убегут, и что я буду делать? Да и на одном молоке не проживешь. Мне мясо нужно. Когда зубы начнут прорезаться, тогда и мясо можно есть – немного, кашицу из мяса. Да, я все помню, как вчера. Ребят наших с Олькой я тоже кормил, пока она спала, измученная и замотанная. Когда у них зубы начинают резаться... это просто атас! Хоть из дому беги! Я и бежал. Лучше пьяные вопли ресторанного быдла, чем дикий рев сразу двух спиногрызов. Но приходить-то домой все равно надо! И сразу же получаешь обоих отморозков в натруженные гитарой руки. А что делать? Любил я свою Ольку, да и сейчас люблю. По-другому, не как тогда, когда я ее... где поймал, там и имел («Ты какой-то маньяк!»). Теперь – мы как два бойца, прошедшие через огонь войны и выжившие наперекор всему. И она, наверное, единственный человек, которому я верю на сто процентов.

Был. Теперь – нет. И опять на душе стало так тоскливо... я бы и в Раю тосковал по Ольке. Вот в Аду некогда тосковать – только успевай подпрыгивать на сковороде. А бродить по Раю без нее, поигрывая на арфе... это не по мне. Лучше уж тогда в Ад.

Глава 5

Весь день я только и делал, что ел и спал. Ближе к вечеру решил, что совмещать сортир и спальню как-то...не соответствует уровню старого музыканта. Конечно, я в своей жизни всякое видал, и однажды даже уснул на унитазах, будучи утомлен встречей нового года и выпитым виски, но все-таки предпочитаю, чтобы возле моей кровати не было кучи дерьма. А потому, взял пеленку наподобие моей, которую кто-то бросил в углу хижины, и...в общем, прибрался. Пеленку осторожно выполоскал в речке, намочил так, чтобы с нее текла вода, и как мог, замыл пол, оказавшийся не таким уж и гнилым. Вернее – совсем не гнилым. То ли доски, то ли половинки бревен были пригнаны друг к другу и отполированы неизвестным плотником так, что такое мастерство достойно самой высшей похвалы. А то, что доски потемнели от времени – это уже вторично. Не знаю, когда именно строили эту хижину, сколько лет она стоит, только пол выглядел так, будто он был сделан из мореного дуба. Черно-серый, твердый, как каменный. Кстати, а может это мореный дуб и есть? Почему бы и нет. Это у нас он настолько дорог, что хорошие напиленные кусочки продают за очень даже приличные деньги. Почему знаю? Знакомый есть, который занимается изготовлением всевозможных поделок из мореного дуба. Я в курсе темы.

Как мог, обмел углы от паутины – той же самой пеленкой. Проветрил, выгнал мух, набившихся в дом на запах, и довольный своей работой улегся отдыхать. Да, кстати сказать – я резко прогрессировал в развитии. Ходил уже вполне прилично, руки двигались как у нормального человека, и никакого головокружения. Такое просто не могло быть у шестимесячного ребенка, но факт есть факт, а как известно – против него не поспоришь.

Пеленку как следует прополоскал, вывесил посушиться, и к ночи у меня было второе «одеяло». Замерзну, так и накроюсь.

Ночь провел более-менее нормально, хотя ужасно хотелось есть. Младенцу пофиг – ночь на дворе, или день, ему надо есть каждые два, или сколько там часов. Уже и не помню через какое время надо кормить младенцев. Мои спиногрызы уже сами обзавелись спиногрызами, их самих скоро будут называть бабушками и дедушками, так что...забылось.

Со своей лежанки сбежал с первыми лучами солнца и сразу же помчался искать коз. Нашел сразу, далеко они не ушли. Снова улегся и по-пластунски пополз к заветной сиське, мысленно хохоча и улыбаясь беззубым ртом. Нет, ну правда – на седьмом десятке ползаю голышом по лугу, чтобы добраться до козьего вымени! Видел бы кто меня – оборжался!

Наевшись, или скорее напившись, с полчаса поспал, а потом решил обследовать дом по периметру. За него-то я не заходил! Может там какая дерюжка лежит, или еще что-то полезное. Мне сейчас все сгодится, любая вещь для меня драгоценность.

Твою мать! Вот только и скажешь! Первое, на что я наткнулся, начав обходить дом – две здоровенные сумки, которые приделывают к лошадям. Или как там это называется? Кладут на лошадей, прицепляют к лошадям – не знаю. Я вообще-то горожанин до мозга костей, деревню видел только из окна автобуса или своего джипа. И не умиляет меня грязь, вонь свинарника и пастушок со свирелью. Кстати, ни один из пастухов, которых я видел в своей жизни, не играл ни на чем, кроме ударных инструментов. И ударял он по коровам, которые так и норовили слинять куда-нибудь в сторону, косясь на него дурным глазом. И еще запомнилось – матерился пастух так виртуозно, что ему позавидуют строители и ресторанные лабухи, набравшиеся мудрости от разносторонне образованных в этом деле посетителей.

Итак, лежат две сумы, почти доверху набитые какими-то тряпками, и поджидают своего хозяина. То бишь меня, желающего прикрыть срам чем-нибудь более цивилизованным, чем две измызганные тряпочки.

Итак, что я имею: юбки – две. Женские рубашки – две. Чулки, трусы женские, куртка, туфли примерно тридцать пятого размера. А это что?! Одеяло! Самое настоящее, шерстяное! Ооо! Живем!

Какие-то порошки в склянках...присыпки, что ли?

Горсть монет – смотри-ка, даже золотишко есть. А что тут на монете, что за рожа? Хмм... нет, не знаю такой. Я так-то не специалист в нумизматике, но...ничего подобного не видел даже на картинке. Монета похожа на совсем уж старую – никаких тебе насечек по краю. Вот как вырубili еще (или отштамповали?), так она и пошла в народ. Следы хождения имеются. Серебряные монеты – то же самое. Крупные, красивые, и абсолютно незнакомые. И тоже профиль какого-то носатого мужика. Вообще, они все похожи на старые греческие монеты, но крупнее размером, и как-то...поровнее, что ли. Мне так кажется.

Дальше: нашелся нож. По моему дитячьему состоянию – здоровенный такой тесак, рука еле обхватывает рифленую рукоять. А если как взрослому смотреть – нормальный такой нож, чем-то напоминающий штык-нож от «калаша». Крепкий, хрен сломаешь (с дури все можно сломать, да), ножны кожаные, сделаны так, что ясно – его носят на поясе. И почему-то сразу ясно: боевой нож. Никаких тебе: «колбаску порезать».

Катушка ниток, стальная игла. Вот это классная находка! Можно будет из юбок сконструлировать что-то такое, что можно на себя надеть. Ну не всегда же я буду ходить голышом?

С обувью сложнее. Можно сказать – очень сложно. Туфли-то эти я не надену. Да и сшить не смогу. Только если обмотать ноги тряпками, и ходить, как...как бомж. Хотя даже бомжи имеют хоть какую-то обувь. Остается только тренировать ноги и ходить босиком. Как было в древности – все дети, и многие взрослые бегали босиком. И ничего! Жили! Хотя...ведь можно сделать обувь из лыка! Правда я не знаю, как его надрать, и точно не знаю, как делать эту самую обувь. То бишь лапти. Но да ладно...неужели инженер, рукастый мужик, не сможет связать себе лапти?

А это что такое? Какой-то медальон. Буквы, связанные сложным узором. Герб, что ли? Может это мое? Ну...типа я потерянный принц, и как только найдусь – тут же меня на престол, дадут кожаные сапожки, и красную мантию, скипетр и державу. И начнется у этой империи классная жизнь! Ведь я буду прогрессорствовать! Колхозы настрою, покрою страну сетью больниц и зоопарков. В каждой семье будет граммофон! Хмм...ага, будет. Яду млять мне в тарелку будет. Это только в книжках такие как я прогрессорствуют, а на деле мне не только править не дадут, а еще и быстренько расскажут, кому я должен бескровно передать власть. На указе окажется или моя голова, или моя подпись. «Грустно, девушки!»

Но да ладно. Это все из области фантазий. Но вообще...сумки-то тут недавно появились, не могли они пролежать десятки лет. И кстати, а если дождь? Хорошо, что ясная погода, а так бы уже все залило водицей, и пиши пропало – сгниет за считанные дни.

Так что пришлось мне тащить сумы в дом, упираясь и пыхтя, как трактор на одном цилиндре. Мощи не хватает, один только дым и попердывание. Но перетащил. Пришлось вынуть тряпки, и отнести их отдельно. Эти чертовы сумы такого размера, что я могу в каждой из них вполне комфортно разместиться. Кстати, а почему бы и нет? Полусидя, да, зато уютно, и мухи не кусают!

На лежанку затаскивать не стал, поставил возле нее. Застелил суму юбками, одеялом накрылся – хорошо! Но прежде сползал к козам, поел. Кстати – жру я, как нормальные младенцы не жрут. У коз уже и вымя пустое. Не хватает еды! И мне кажется, или так и есть...я подрос! Буквально за сутки – вырос сантиметра на два!

Не выдержал, взял нож, пошел к углу дома, встал к нему спиной и прочертил над головой метку. Завтра еще замерю. А пока – спать! Глаза слипаются, ноги гудят – все-таки я ведь младенец, а не взрослый мужик, а сделал сегодня столько, что иные взрослые мужики бы уже валились с ног.

Да...между прочим...тоже странно. И как это я, шестимесячный, тащил сумы, пусть и с трудом, но ведь тащил! И то, как бегал по лугу с пеленками – у меня мышцы-то никакие! Как они могут меня держать? Развиваюсь поразительно быстро, и...закрадываются нехорошие мысли. А именно: если я с такой скоростью развиваюсь, расту, то...сколько я проживу? Фактически у меня сейчас один день – за...сколько? Месяц? Два? То есть скорость моей жизни увеличилась в...тридцать раз? А может и в шестьдесят? Ладно, посчитаем: прожил год – будто прожил тридцать лет. Два года – и я уже в своем прежнем возрасте. Хорошо это? Глупый вопрос, да...если этот рост не прекратится, то судьба моя очень даже печальна. Буду жить плохо, но недолго.

С этими жизнеутверждающими мыслями я и уснул, остро чувствуя свою убогость и обреченность перед лицом жестокой судьбы. Нет, теперь я не плачу. Повзрослел, мать его за ногу!

* * *

О господи...как больно! Хорошо, что память не сохраняет ТАКОЕ! Хотя, впрочем, может кто-то и запомнил, как у него резались зубы. Я, например, точно не помню. Но ТЕПЕРЬ запомню. Непередаваемое ощущение, когда сквозь твои десны прорываются острые, белые зубки. Все сразу, гады! Всей толпой! И кажется, что у тебя не тридцать два зуба, а сто тридцать два! Десны кровят, чешутся, болят, меня лихорадит – то в пот бросает, то дрожу, как лист на ветру. Хреново! Только вспомнить, как мои орал, когда у них резались зубы...ой-ей...и хрен успокоишь! Ни спать, ни жрать – ничего не хотели. Вот только ходи с ними, да укачивай. Но и это мало помогает.

В общем, всю ночь я не спал, к рассвету был готов утопиться или броситься в водопад. И у меня имелось два ряда зубов. Не нормальных зубов, а так...острые белые кончики повывезли, и торчат из десен, как грибы из навоза. Так-то я их не вижу, но чувствую, когда провожу кончиком языка по деснам. Что интересно, нижние зубы вылезли больше, чем верхние. Именно так и началось это самое прорезание – вначале полезли нижние, потом верхние. Не знаю, нормально это, или нет...но у меня вот так.

Вылез из сумы с трудом – заклинился. Пришлось свалиться набок, и уже потом выбираться. Глянул на ноги – никаких тебе перевязочек, пухлости, тощие мальчишеские ножонки. Даже слишком тощие. Похоже, что мне не хватает еды. Организм бурно, просто-таки феноменально быстро растет, и если я не предприму какие-то шаги...не найду пищу... В общем, одним молоком я не обойдусь.

И еще – организм перестраивает не только мышцы и кости. Что-то происходит с внутренними органами, я это чувствую. Живот болит, сердце стучит, что-то булькает...подозрительная деятельность! Эхх...похоже, что долго я в этом прекрасном новом мире не проживу. Как там называется болезнь, когда человек за считанные годы становится стариком? Не помню. Но похоже, что это она.

Пошел к углу дома, как можно тщательнее сделал метку. Прикинул...два сантиметра за ночь! Ну ни фиги себе! Бог, или черт – да все равно кто – вы чего там у себя, офигели?! На кой было перетаскивать меня в чужое тело, чтобы за считанные месяцы и годы превратить в старика?!

Осматриваю руки, ноги, ощупываюсь. Сейчас мне уже года полтора, где-то так. Может даже побольше. И ужасно хочется есть! Это теперь мое нормальное состояние. Ну что же, пополз к козам. Благо что они далеко не уходят. Может понимают, что только с моей помощью могут избавиться от молока? По прикидкам, в одна коза теперь дает литра два на день. Младенцу это нормально, а вот отморозку полутора лет от роду...нет, братцы, я так вылечу из этого тела раньше, чем предполагал. С учетом того, что мой организм растет со скоростью бамбука.

Мне мясо нужно! Без мяса никаких мышц. Значит, мясо нужно найти. Вернее – белОк. КусАть теперь я могу, хоть и с трудом. И жевать.

Ну что же... пойду на поиски съестного. Правда абсолютно не представляю, что это может быть! Муравьи? Ящерицы? Гусеницы? (фффуу!) Кузнечиков наловить? А что – праведники питались акридами, когда сидели по своим норам, добиваясь просветления. Вот только не представляю, как я буду есть зеленого кузнечика, откусывая ему голову и посасывая лапку «(вкусно! Просветляюсь!). У меня ведь даже огня нет!

Стоп...кстати, насчет огня...я ведь в сумасшедшем доме видел что-то такое, что очень было похоже на кресало. Что такое кресало? А просто что-то вроде напильника, закаленная стальная пластинка с засечками по краю. Бьешь ей по куску кремня – летят искры. Вот и все. Взять мох, взять кресало, и понеслось! Я Прометей! Потом займусь. Вначале нужно найти, чего поджарить. Зачем напрасно жечь топливо...

Вперед, на поиски мелких гадов, до которых смогу добраться! Надеюсь, мне повезет.

* * *

– Нет!

– Ну, папа!

– Нет! Запрещаю!

– Папа, я тут с тоски сдохну! Я хочу летать!

– Нет.

– Папа...позволь, я возьму ответственность на себя. Я буду за ней следить. Я не дам ей улететь туда, куда не нужно.

– Нет!

– Почему?

– Так надо.

– Что надо?

– То, что надо! Молчите! И больше ни слова о полетах! Сидите дома! Когда разрешу, тогда и полетите!

– Тогда я полечу сама!

– Не полетишь...

– Ай! Папа! Как ты можешь!

– Могу. И еще не то могу!

– Запретить трансформацию, это...это...я не знаю, как назвать! Ты жестокий, как человек!

– Да. Я тоже человек. И вы – люди. Мы все – люди. Только одни – драконы, другие – нет.

– Ох! Пап, меня-то за что?!

– А за компанию! Знаю я вас, она тебя уговорит, подбьет на пакость. Например – сядет тебе на шею, и ты ее понесешь. Хитрость и бессовестность ее не имеет пределов.

– Эдель, ты несправедлив к нашим детям. Это насилие не пройдет даром для их душ.

– Да! Не пройдет, папочка! Я вырасту жестокой, злой, ущербной драконицей! И меня никто не полюбит!

– Опыт показывает, что чем ни злее и пакостнее драконица, тем ее больше любят. Не так ли, милая? Хе хе...

– Ты на что намекаешь, Эдель? Фу, как нехорошо! Да еще и при детях!

– Ты такая же была. И Айя вся в тебя! Ты передала ей все, что могла – строптивость...

– Ум!

– ...бессовестность...

– Умение не бояться последствий своих шагов! Решительность!

– нечестность...

– Способность выбирать лучшее решение в данной ситуации!

– Лучшее решение?! А кто ревел, как водопад, когда она взяла твой артефакт? Кто потом неделю устанавливал погоду? Чужая драконица?

– Моя вина. Я ее не предупредила, что артефакт неисправен. Откуда она знала?

– Ты ее предупредила, чтобы она его не брала! Этого уже должно быть достаточно! А она как поступила?! Что она сделала?! Если что-то случается, заводилой всегда выступает она. Что-то разбилось – это Айя шалила! Что-то сгорело? Айя проводила опыты! А ты вечно ее защищаешь! Как и ее брат! Он всегда пытается наврать, и взять вину на себя!

– Ну это же хорошо...он старший, он мужчина, и как настоящий мужчина – защищает свою сестру. Ты бы хотел, чтобы все было иначе? Чтобы он бежал, и доносил на сестру? Ты бы тогда его не уважал.

– Я не говорил, чтобы наущничать, ты вечно все перевернешь с лап на гребень! Нет, с тобой совершенно невозможно разговаривать серьезно. Вы все безответственные, недально-видные драконы!

– Ну чего ты так возбудился? Расскажи, что произошло. Почему им нельзя летать? Что ты скрываешь?

– Мне донесли, что группа драконов по наущению сама знаешь кого, отправилась в нашу сторону. Вроде как на облет материка. Посмотреть, что внизу происходит. Их путь пройдет рядом с нашим плато. Где гарантия, что они сюда не прилетят? И где гарантия, что увидев наших малышей, они на них не нападут? Наши ребята ни летать как следует не умеют, ни боевых навыков не имеют, старым боевым драконам вроде нас с тобой они не противники. У них и магия до сих пор как следует не развилась, они же еще дети. Почти младенцы. Так что... надо пока посидеть дома. На нас тобой напасть не решатся – знают, что я их порву. А если не смогу – ты не хуже меня им лапы оторвешь, особенно за близнецов. Но ребят убьют и тихо улетят. Наши ведь их даже рассмотреть не смогут – у них еще очень слабо умение снимать Завесу. Ребята, поймите меня...пока вылетать нельзя. Обещаю, что как только будет можно – полетите. Я буду следить за обстановкой вокруг Логова. Лишнего времени вас держать не буду. И когда начнете летать – буду обучать вас боевым приемам. Вы должны уметь дать отпор любому дракону! А еще – станете тренироваться в снятии завесы. Мама будет подкрадываться, а вы ее будете ловить. Чего-чего, а ваша мамуля подкрадываться умеет! Будет весело!

Молчание. Тишина.

– Ну и чего такие скорбные физиономии, будто кто-то умер? Все хорошо, все живы, всех врагов побьем, а сами на их трупах спляшем!

– Ффуу...Эдель...чему ребят учишь? Это варварский, человеческий обычай. Мы цивилизованные драконы, мы таким не занимаемся. Не слушайте его, ребята! Он шутит!

– Ясное дело...шучу. Я в переносном смысле. Но если только эти уроды вас тронут – я не то что спляшу на их трупах, я сожру их сердца! Живьем! Клянусь!

* * *

– Я плакать хочу!

– Драконы не плачут...

– А я буду! Потому что я человек! Слышал, что папа сказал? Мы тоже люди! И когда я в человеческом обликии, я тоже могу плакать. И буду плакать!

– Ну, плачь, если тебе легче будет...

– Как представлю, что он там один, голодный, плачет, просит еды...один-одинешенек! Ни папы, ни мамы... Слушай, а если я пешком пойду?

– Ты будешь идти дня два...помнишь, сколько мы летели до места?

- А я быстро пойду! Я побегу!
- И умрешь от голода и переутомления. Упадешь, и умрешь. Это ему поможет?
- Ну, сделай что-нибудь, демоны тебя задерят! Придумай! Ты же мужчина! Ты должен меня защищать! А раз меня – значит, и моего детеныша!
- Вот что...хмм...мамаша...у нас есть только один путь: идти сдаваться маме. Папа не позволит, мама добрая, она всегда за нас.
- С ума сошел?! Она все равно папе расскажет!
- А что предлагаешь? Чтобы он там умер от голода и жажды? Ты его взяла, ты за него и отвечаешь. Так что готовься получить то, что заслуживаешь.
- Кайль...папа его убьет.
- Не позволим. Да и не человек он, чтобы взять, и убить младенца! Мама нас поддержит.
- Давай, так...если к послезавтра папа не снимет запрет – идем к маме. Сегодня мы мальчика покормили, завтра день поголодает, а послезавтра мы его спасем. Хорошо?
- Хорошо...как скажешь. Твой младенец, тебе и решать. Только потом не плачь, если прилетишь к труп.
- Не надо грязный коготь совать в рану, хорошо? И так тошно, и плакать хочется...

* * *

- Все. Идем сдаваться. Время!
- Чуть-чуть подождем, а? Что-то я боюсь!
- Дракон ничего не должен бояться! Как ни стыдно?! Идем!
- Идем...

* * *

- Маам...можно с тобой поговорить?
- Нет, нет и нет! Папа запретил! Он так и сказал: они придут к тебе, будут просить, умолять, и ты не выдержишь и сдашься. Снимешь с них запрет на трансформацию, и разрешишь лететь. И я тебя не прощу! Десять лет не буду с тобой разговаривать! Так вот, дети, я не могу пойти на такое. Папа всегда держит слово!
- Мам...можно я тебе расскажу что-то такое...только ты не ругайся, не кричи, ладно?
- Я уже начинаю бояться...ну что же...расскажи...нет, Кайль, ты расскажи. Все, без утайки. Что она опять сотворила?
- Только ты не будешь кричать, мама?
- Нет, не буду. Все, успокаиваюсь...давай!

* * *

- ААААА! Как вы посмели! Вы, жалкие, невоспитанные дети! Вам же был дан запрет на все контакты с людьми! АААА! А вы не только посмели его спасти, но еще и принесли на плато! Папа будет в ярости! Вы десять лет не будете летать! И я ничего не стану с этим делать! Поделом вам! Так вам и надо!
- Мам...мы не все рассказали...только не кричи так, ладно? В общем, Роб заболел, и нам пришлось...

* * *

– АААААА! АААААА! АААААА! РРРРРР! РРРРРР!

– Мам, ну чего ты так...

– Я чего?! Я?! Вы что сделали, пустоголовые?! Что вытворили?! Вы хотя бы знаете, что делает драконья кровь с человеком?! Вы поинтересовались, прежде чем делать ЭТО?!

– Ну, я где-то читала, что она лечит человека, что он делается сильнее, чем обычные люди. Все болезни излечивает. И что люди в древние времена охотились за нами, чтобы добыть нашу кровь. Ну... в общем-то и все. Больше времени не было, он как-то сразу заболел, и чуть не умер. Вот мы и дали ему попить нашей крови.

– ААААА! Попить?! Попить?! Глупая, необразованная, пустоголовая девчонка! Чтобы лечить человека надо несколько капель, КАПЕЛЬ крови! И то – он выживает в пятидесяти процентах случаев! Ее применяли только тогда, когда ничего на свете уже не поможет! Даже лекарская магия! А вы ему дали ПОПИТЬ крови?! Да это гарантированная смерть! Его душа точно улетела прочь! Даже если тело и выжило! Оно теперь – пустая оболочка! А ты потом кого-то *призвала*?! О Великий Дракон, создатель сущего... кого ты туда призвала, глупенькая?! А вдруг это демон?! Вдруг какое-то потустороннее существо, которое может угрожать миру?! Ох ты ж... теперь я понимаю, о чем говорила старая дура на слете. Да, близнецы приносят несчастье.

Молчание, которое не решался нарушить никто из криминальной парочки. Они с замираньем в сердцах ждали продолжения. И оно последовало:

– Говоришь, что он выжил. Значит, в теле есть чья-то душа. Если вас сходу не убил, значит, эта душа принадлежит сущности может быть и черной, потусторонней, но не такой опасной, как я решила с первого раза. Но это не точно. Еще вам скажу вот что: залив ему в рот вашей крови, вы запустили мутацию. Теперь ваш питомец превращается в дракона.

– Дракона?! Вот здорово! У нас будет брат! – Айя радостно захлопала в ладоши, но тут же смутилась под тяжелым взглядом матери:

– Если у вас когда-нибудь и будет брат, то... точно не таким способом (непонятно почему хмыкнула). А ваш питомец вряд ли станет драконом. Он будет и не драконом, и не человеком. Некая помесь дракона и человека, и что из него получится – я не знаю. И никто не знает. Когда рождается дракон – он выходит полностью сформированным, вы это знаете. Сразу начинает говорить, даже летает. И потом только меняется в размерах – линяет, наращивает новую чешую. И так до шестнадцати лет. Потом рост замедляется – вы достигаете зрелости. Что будет с человеком, я не знаю. Младенец может расти так же, как и все люди, а может вырасти за считанные месяцы до взрослого состояния. Вот только разум у него не драконий, а человеческий. То есть – маленький младенец в теле взрослого. Хуже того – все драконы обладают магическими способностями. Но никто не может сказать – какими способностями. И вот теперь представьте – ваш питомец, в котором сидит неизвестно кто, за считанные месяцы дорастает до состояния взрослой особи. И тогда у него открывается первая магия. Неразумный младенец, обладающий могучей магией – что он может? Да все что угодно! Даже вас, дурачков, поубивать! Маг-идиот, что может быть хуже? Да, да – я знаю, что вы скажете! Мол, там ведь не идиот, в него кто-то вселился, сама сказала! Да. Так вот это еще страшнее. Демон с магией драконов – это ничуть не лучше мага-идиота, а может быть и хуже. В общем, летим к нему. На мне, не обольщайтесь! Запрет останется! Я вас повезу. И сразу скажу: почувствую, что он опасен – убью на месте. И можете меня потом ненавидеть, мне все равно. Я за вас весь мир убью, не то что демона в теле младенца!

Глава 6

Медленно...как червяк...как минутная стрелка...как ниндзя, подкрадывающийся к жертве...бросок!

Ага, тварь зеленая! Попалась! И не надо бросаться хвостами! Нафиг мне твой хвост! И нет у меня жалости! Я сейчас зверь! Хищник! Пещерный человек, мечтающий о мясе мамонта и пытающийся выжить!

Ножом!

Бац!

Башка долой.

Охх...ручки трясутся, ножки трясутся...грудь работает как кузнечные меха. Я ее все-таки одолел! Здоровенная такая гадина, чуть не с меня ростом!

Укусила, тварь...вон, аж кровь выступила. Нет, так-то ее понимаю, все жить хотят, я бы тоже постарался тяпнуть, если меня схватить, но...я-то совсем другое дело!

Главное, чтобы гадина не оказалась ядовитой. А то вот так нажрешься какой-нибудь дряни, и ага! Помню, как Дроздов, наш знаток природы и телеведущий, накормил свою «бригаду» ядовитыми лягушками. Чуть не померли бедолаги. А этот, судя по всему, совсем чужой мир, тут все может быть ядовитым, не только здоровенные зеленые ящерицы.

Поверить не могу своему счастью – как это я сумел ее ухватить?! Ведь она видела меня! Косилась на меня! И почему подпустила? Впрочем – какая мне хрен разница, почему какая-то там ящерица лоханулась и дала себя убить. Главное – у меня будет обед из настоящего мяса!

Хватаю крокодила-недоростка, подбираю его отброшенный хвост (не пропадать же добру?), и тащу в заранее приготовлено место, с отвращением чувствуя, что тело ящерицы категорически отказывается умирать – шевелится, дрыгает лапами, все еще порываясь бежать. Да что тело – голова ящерицы, когда я проходил мимо нее, следила за мной и разевала пасть, будто хотела сказать: «Отдай, сучонок, мое тело! Отдай, гадина! Куда ты его понес?!»

Куда-куда...жрать буду. Вначале пожарю, а потом слопаю. Но прежде надо выпотрошить тварь, так что иду к воде, где долго и мучительно разделяю гада. В конце концов все-таки разделал, даже шкуру умудрился снять, но пришлось потрудиться. Тушку промыл, кишки отправил в речку – пусть водопад их унесет подальше, вниз.

Кстати – так и не решился посмотреть за «край мира». Я так-то не трус, даже против человека вооруженного ножом дрался (дважды), но высоту...хмм...недолюбливаю. Да ладно, чего перед собой изображать героя? У меня ноги трясутся, когда я смотрю с высоты, и сразу хочется отползти подальше от края! Не летчик я, точно. И не парашютист.

Тушку ящерицы завернул в лопух, дабы мухи ее не кай-кай, и отправился совершать таинство внесения огня в этот мир, «прометеить», одним словом. Сухой мох я нашел – выдернул немного из щели между бревнами дома. Веточек натаскал из леса, благо, что до него идти всего ничего, метров пятьдесят. Притащил и тяжелых палок – потом подложу в костер, чтобы угли хорошие были. Подозреваю, что развести огонь будет непросто. Это тебе не зажигалкой щелкнуть!

А вот и нет. Оказалось, что зажечь костер огнем совсем несложно. Наши предки не были дураками, определенно, и способ поджигания костра с помощью кресала самую малость сложнее, чем зажечь огонь спичкой. Волновался, конечно, ожидал эпических трудностей, а тут...сноп искр, мох занялся, задымил, я подул, раздувая пламя, подложил горящий мох под тонкие веточки, заранее уложенные «домиком», и...понеслось! Горит!

Дождался пока как следует разгорится, подтянул большие лесины, положил в огонь. Книжки-то я с детства люблю, а там все было – и про то, как костер разжечь, и про то, как охотники делают «нодью». Кстати, удивительно, что я при моем малом росте и субтильном

сложении так бодро тащил эти лесины, или как они там называются – бревнышки небольшие. Стволы деревьев – то ли ветром, то ли временем поваленные. И я их пер, как маленький трактор! Муравей, черт меня подери! Муравей, читал, может поднять вес в пятьдесят раз превышающий его собственный. Да, и это ненормально. Нет, не для муравья – для человеческого детеныша.

Ящерку нанизал на палочку, и стал жарить над огнем, захлебываясь слюнями от запаха мясного. А когда тушка покрылась румяной корочкой, впился зубами в сочное, сладкое, и такое вкусное мясо! И пофиг, что нет соли, главное – мясо есть!

Напоминает курятину. Белое такое, слегка резинистое, но вполне съедобное. Уничтожил ящерку за считанные минуты – жрал, захлебываясь слюнями, едва не урчал, как голодный пес. Поел, и свалился возле костра, расслабленно думая о том, как бы живот не лопнул от переедания. Нельзя с такой жадностью набрасываться на еду. И уснул.

Сколько проспал – не знаю. Только снова хотел есть. И в сортир. Второе я быстренько исполнил, а вот насчет первого... козьего молока мне не хотелось, да и козы куда-то подевались. Заныкались, пока разделявал ящерку. Запах крови наверное почувствовали. Козы, они умные твари, человека с руками измазанными кровью не подпустят в свое подбрюшье. Только чистого амурчика.

Итак, снова искать еду. Пойдут охотиться. Подложил перегоревшие палки в центр костра, и держа тяжелый нож на плече, как ландскнехт двухметровый меч-двуручник, зашагал по направлению к лесу. И надо же было такому случиться – добыча вышла на меня сама! Змея! Здоровенная, вроде гюрзы, или королевской кобры! Много мяса, но... много опасности. Надо было бы сделать что-то вроде копья, привязав нож к палке, и затыкать тварь до смерти. Но... задним умом все сильны, а змеюга сейчас уползет, и плакал мой ужин. Нужно попробовать взять ее так, без копья. Подкрасться, и... бац ей по башке! Бац! Бац! Секир башка шайтану! Что я, с какой-то там змеей не справлюсь? Тем более что она улеглась на камешек, и спит, греется на солнце. Сейчас, сейчас, тварина!

Размахиваюсь, и... бац!

И тут же резкая боль в предплечье. Гадина оказалась настолько быстрой, что пока я рубил ее ножом, она извернулась и тяпнула меня – как и положено приличной змее. Две дырочки, из которых сочилась кровь – вот результат моего головотяпства.

Змею я все-таки разрубил – найденный нож был остер, как бритва, так что ничего удивительного – башка с частью туловища валялась на земле, и как принято у всех рептилий (выяснено мной опытным путем!), тарасила на меня глаза, и злобно разевала пасть. А я... я тихонько опустился в траву и приготовился нормально помирать. Того заряда яда, который в меня должна была впрыснуть полутораметровая гадина, должно было хватить, чтобы убить пару лошадей, а не то что детеныша человека ростом чуть выше колена взрослого мужчины.

Место укуса вначале начало чесаться, потом гореть, будто к нему приложили раскаленное железо, и онемело, как если бы я его отсидел. Дальше уже начал сдавать мозг. В ушах зашумело, зазвенело, в глазах потемнело, и... меня начало трясти. Судороги били тело, выворачивали мышцы, болело все – начиная с пяток, и заканчивая макушкой головы, в которую будто забили гвоздь – так она заболела. Ну а после я потерял сознание, думая о том, какой я мудак, и как бездарно просрал свою новую жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.